

фридрих

НИЦШЕ

учиться у заратустры
с комментариями и объяснениями

быть великим — значит
давать направление

сорадость,
а не сострадание
создает друга

любовь вожделеет,
страх избегает

человек — это канат
над пропастью

Философия на пальцах

Фридрих Ницше

Учиться у Заратустры (сборник)

«АСТ»

1878, 1885, 1886

УДК 1(091)(430)
ББК 87.3(4Гем)

Ницше Ф. В.

Учиться у Заратустры (сборник) / Ф. В. Ницше — «АСТ»,
1878, 1885, 1886 — (Философия на пальцах)

ISBN 978-5-17-096759-9

Фридрих Ницше – мыслитель, который помогает людям обрести самое себя, стать собой и даже превзойти себя. Этому, в частности, учит его Заратустра – пророк, мятежник, Сверхчеловек, альтер-эго автора. То, как Ницше это делает, до сих пор остается загадкой и является необыкновенно притягательным. Его работы предельно откровенны, истины шокируют, но в то же время помогают читателю задуматься над собственными действиями, переосмыслить их, найти в себе силы идти против течения и главное – понять свое предназначение в жизни и двигаться вперед выбранным путем. При этом Ницше не предлагает никакой методики, не дает никаких указаний, его рассуждения всегда символичны, понимать их можно по-разному. Каждый берет то, в чем нуждается в данный момент. Поэтому всякий раз в произведениях философа можно открывать для себя что-то новое и удивляться, что ранее оно осталось незамеченным.

УДК 1(091)(430)
ББК 87.3(4Гем)

ISBN 978-5-17-096759-9

© Ницше Ф. В., 1878, 1885, 1886

© АСТ, 1878, 1885, 1886

Содержание

Драма неприкаянной души	7
Человеческое, слишком человеческое	12
Предисловие	13
Отдел первый	17
Отдел второй	32
Отдел пятый	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Фридрих Вильгельм Ницше

Учиться у Заратустры

© С.Л. Франк (наследники), перевод с немецкого, 2017

© С.Ю. Нечаев, предисловие, преамбулы к текстам, комментарии, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Драма неприкаянной души

Фридрих Вильгельм Ницше родился 15 октября 1844 года в Рёккене (недалеко от Лейпцига, провинция Саксония, которая тогда входила в состав Пруссии).

Родился он в глубоко религиозной семье – его дед, отец и дядя были лютеранскими пасторами, а назван он был в честь короля Фридриха Вильгельма IV, день рождения которого совпал с его днем рождения.

Мальчик получил очень религиозное воспитание. Он был серьезным и уравновешенным, мало участвовал в детских играх и сторонился незнакомых людей. В 1849 году, после смерти отца (тот упал с лестницы, сильно ударился головой о каменные ступени и умер после целого года изнурительных страданий), семья переехала в Наумбург, где маленький Фридрих Вильгельм поступил в гимназию. А с 1858 года он уже учился в знаменитой школе Пфорта, что под Наумбургом. Там все давалось ему легко, хотя из-за своей невероятной тщательности он и засиживался над учебниками до полуночи.

С 1862 года Ницше начал мучиться регулярными головными болями, а в середине октября того же года покинул Наумбург и отправился в Боннский университет, где поступил на филологический факультет. С 1865 года он продолжил обучение в Лейпциге, куда последовал за своим учителем – профессором филологии Фридрихом Ричлем.

С 1869 по 1879 гг. Ницше уже сам был профессором Базельского университета по отделению классической филологии. А докторскую степень ему присудили без защиты – на основании статей, опубликованных в «Рейнском научном журнале».

Перед переездом в Швейцарию Ницше освободился от прусского подданства: отныне и впредь он жил вообще без гражданства.

Еще в Бонне он постоянно разрывался между филологией, теологией и музыкой, не решаясь остановиться на чем-нибудь одном. И именно в это время в одном из книжных магазинов он случайно увидел издание неизвестного ему до того времени автора. Это была книга «Мир как воля и представление» Артура Шопенгауэра. Ницше стал перелистывать ее и... «Не знаю, – написал он потом, – какой демон шепнул мне, чтобы я купил эту книгу. Придя домой, я с жадностью раскрыл ее, весь отдавшись во власть энергичного, мрачного, но гениального автора».

Ницше поразили глубина идей и сарказм Шопенгауэра, его тонкий вкус и широкий размах. Его потрясло презрение философа к людям, к их мелочным заботам и корыстным интересам. Молодой ученый пришел к мысли о том, что человек сильно зависит от условий своего существования, и это его сближает с животным.

Ницше казалось, что этот гений обращался к нему одному. И он безоговорочно принял мрачный шопенгауэровский мир. Он был очарован мудростью и могучей энергией философа. В апреле 1866 года Ницше написал: «Три вещи в мире способны успокоить меня, но это редкие утешения: мой Шопенгауэр, Шуман и одинокие прогулки». Он стал называть Шопенгауэра своим отцом и говорил о нем так: «Это самый истинный из всех философов. В нем нет никакой притворной чувствительности; душа его преисполнена смелостью, а это главная добродетель вождя». В одной из записных книжек Ницше того времени можно найти такую запись: «Век Шопенгауэра включает в себе здоровый, проникнутый идеалом пессимизм, серьезную, мужественную силу, вкус ко всему простому и здоровому. Шопенгауэр – это философ воскресшего классицизма, германского эллинизма».

Влияние, которое имел на Ницше Шопенгауэр, было обусловлено двумя главными качествами этого философа: его честностью и его постоянством. Он был честен, так как, не заботясь о внешнем успехе, в своих работах обращался только к самому себе; он был постоянен, потому что такова его природа. Шопенгауэр искал в философии не самоуспокоения,

а истины. Как отмечает русский философ и публицист князь Е.Н. Трубецкой, «в нем правдолюбие взяло верх над животным стремлением к счастью. Поставивши вопрос о цели и смысле существования, тот философский вопрос, который Ницше справедливо считал центральным, он не побоялся разрешить его в отрицательном смысле и разрушить иллюзию счастья». Именно поэтому Ницше нашел в Шопенгауэре величайший тип философа, не пугающегося никаких выводов.

А 8 ноября 1868 года произошло еще одно знаменательное событие в жизни Ницше – он познакомился со знаменитым композитором Рихардом Вагнером. Ницше был восхищен этой первой поистине гениальной творческой личностью, встреченной им на жизненном пути. Но его пленила не шумная слава Вагнера, а мятежный дух и подлинно независимое миропонимание. Ницше казалось, что Вагнеру удалось переложить на музыку философскую систему Шопенгауэра.

А в 1870 году, во время Франко-прусской войны, Ницше решил отправиться на фронт, но нейтральная Швейцария разрешила ему стать лишь санитаром. Сопровождая транспорт раненых в Карлсруэ, Ницше заразился дизентерией и дифтеритом, провел неделю в Эрлангенском госпитале, находясь между жизнью и смертью. Война надломилась духовное и физическое здоровье молодого человека: с тех пор к нему уже никогда не возвращались ни спокойный сон, ни уравновешенное настроение.

Последующие годы Ницше жил главным образом в Швейцарии и в Италии. Под влиянием мыслей Шопенгауэра и эстетических идей Вагнера он перешел от занятий классической филологией к философии. При этом его продолжали мучить сильные головные боли. «Несколько раз спасенный от смерти у самого ее порога и преследуемый страшными страданиями – так я живу изо дня в день; каждый день имеет свою историю болезни», – так он сам описывал в письме к другу страдания, которые испытывал на протяжении многих лет.

Из-за болезни Ницше вынужден был оставить преподавание в университете.

Зиму 1876–1877 гг. Ницше провел в мягком климате Сорренто, где жил в обществе нескольких друзей: из Рима приехала его давняя приятельница Мальвида фон Мейзенбух (автор известных «Мемуаров идеалистки»); из Восточной Пруссии прибыл доктор Пауль Рэ, с которым Ницше связала крепкая дружба.

Увы, пребывание на юге не облегчило его мук. С начала 1879 года каждодневные приступы болезни Ницше сопровождались непрерывной рвотой. Он недолго и безуспешно лечился в Женеве. После оставления профессорской должности в Базельском университете по состоянию здоровья Ницше назначили ежегодную пенсию в 3000 франков. Он вел отшельническую жизнь в Италии и в Швейцарских Альпах, в Энгадине, в маленькой деревушке Сильс-Мария.

12 ноября 1887 года Ницше написал своему другу Францу Овербеку: «Мне кажется, что для меня замкнулась своего рода эпоха; обратный просмотр был бы как нельзя более уместен. Десятилетие болезни, больше чем десятилетие, и не просто болезни, от которой существовали бы врачи и лекарства. Знает ли, собственно, кто-либо, что сделало меня больным? Что годами держало меня возле смерти в жажде смерти? Не думаю. Если исключить Вагнера, то никто еще не шел мне навстречу с тысячной долей страсти и страдания, чтобы найти со мною “общий язык”; так был я уже ребенком один, я и сегодня еще один, в свои 44 года. Это ужасное десятилетие, оставшееся за мною, вдоволь дало мне отведавать, что значит быть в такой степени одиноким, уединенным: что значит одиночество страдающего, который лишен всякого средства хотя бы сопротивляться, хотя бы “защищать себя”. Круг чтения: Монтень, письма Галиани к мадам д’Эпине, дневник Гонкуров. Выход в свет “Тенеалогии морали”. И, как всегда, музыка, музыка, музыка... Меня раздражает все, что нельзя выразить музыкой».

В 1888 году, уже охваченный безумием, Ницше пытался создать историю своей жизни. Не вышло. И 11 августа того же года он написал своему другу и поверенному в издательских делах Генриху Кёзелицу, взявшему псевдоним Петер Гаст: «Может быть, я зашел слишком далеко – не в содержании, а в манере выражаться?» А Мальвиде фон Мейзенбух он признался: «Иногда для того чтобы стать бессмертным, надо заплатить ценою целой жизни! <... > Старый соблазнитель Вагнер, хотя и мертвый, продолжает похищать у меня тех людей, до которых могли бы достигнуть мои творения». И еще из письма к ней: «Для того чтобы выносить мои произведения, надо иметь великую душу. Я очень счастлив, что восстановил против себя все слабое и добродетельное».

С этого момента наступил перелом в философском миропонимании Ницше. Он разочаровался в Вагнере и почувствовал отвращение к Шопенгауэру, который до того был главным его учителем в философии. Дело в том, что учение Шопенгауэра не могло дать ответа на вопрос о смысле жизни индивида, то есть именно на тот вопрос, который с самого начала был для Ницше центральным. Философия Ницше была безоглядной проповедью человеческого эгоизма, он искал в ней прежде всего оправдание индивида, а с точки зрения Шопенгауэра, все индивидуальное вообще и всякий процесс есть пустота, есть ложь, есть нечто, подлежащее упразднению. А вот основной упрек Ницше к музыке Вагнера сводился к следующему: это «искусство, которое отрицает гармонию существования и видит ее за пределами мира», где все существующее сливается в безразличное единство и где нет места для разнообразия индивидуальных существ.

Постепенно все ученики покинули Ницше, а немецкие филологи объявили его «человеком, умершим для науки».

А 3 января 1889 года последовал апоплексический удар прямо на улице. За ним – окончательное затмение. Обеспокоенный этим Овербек проконсультировался с психиатрами и доставил Ницше в Базель. Там 10 января больного поместили в психиатрическую клинику. Диагноз: «Paralysis progressiva» (прогрессирующий паралич). 17 января мать отвезла больного сына в психиатрическую клинику Йенского университета. Безумие Ницше было несомненно, однако природа этого до сих пор остается загадкой.

Некоторые считают, что его жестокий душевный недуг – это Божественная кара за непокорность мысли и гордыню. В журнале «Вопросы философии и психологии» за 1892 год так и было заявлено: «Какой великий и поучительный пример представляет судьба этого несчастного гордеца, попавшего в дом умалишенных... Истинный ужас наводит это великое и заслуженное наказание злополучного безбожника, вообразившего себя Богом».

20 апреля 1897 года мать Ницше умерла, а незадолго до этого сестра перевезла больного брата в Веймар. Там Ницше и скончался 25 августа 1900 года. Ему было всего 55 лет.

За год до этого Петер Гаст начал издание полного собрания сочинений Ницше.

Писать Ницше мог только в промежутках между приступами болезни, однако написал он немало. Его основными произведениями стали книги «Несвоевременные размышления», «О пользе и вреде истории для жизни», «Шопенгауэр как воспитатель», «Человеческое, слишком человеческое», «Веселая наука», «Так говорил Заратустра», «По ту сторону добра и зла», «К генеалогии морали», «Казус Вагнер», «Сумерки идолов, или Как философы стучат молотом», «Антихрист. Проклятие христианству», «Ессе Номо. Как становятся сами собою», «Воля к власти» и др.

Работы Ницше делятся на две группы, что в целом соответствует двум этапам развития видений их автора. Первая группа включает в себя ранние работы, посвященные проблемам предназначения человека и написанные под воздействием Шопенгауэра. Во второй группе заметен отказ от идей Шопенгауэра в пользу «переоценки всех ценностей». В этих работах излагается философская концепция уже самого Ницше: центральное место там занимают понятия «воля к власти» и «сверхчеловек».

Соответственно, в философской деятельности Ницше различаются два ясно очерченных периода, причем гранью между этими двумя периодами служит 1876 год, когда Ницше окончательно разочаровался в Шопенгауэре и Вагнере. И второй период стал собственно ницшеанским («периодом заратустризма», по выражению Петера Гаста). Он знаменовал собой коренной перелом в его мировоззрении, и в нем произошел переход от метафизики Шопенгауэра к позитивизму, то есть к принципиальному отрицанию всякой метафизики.

Следует отметить, что идеи Ницше оказали очень большое влияние на современную философию. Пожалуй, ни одного автора не цитировали так часто, как Ницше (его стиль чрезвычайно афористичен). Многие страницы работ и даже целые книги Мартина Хайдеггера, Николая Бердяева, Семена Франка и других выдающихся философов посвящены анализу его наследия, полемике с ним, пронизаны неприятием его идей или преклонением перед ними.

Так, Бердяев в своей работе «Смысл творчества» писал: «Ницше – предтеча новой религиозной антропологии. Через Ницше новое человечество переходит от безбожного гуманизма к гуманизму Божественному, к антропологии христианской. Ницше – инстинктивный... пророк религиозного возрождения Запада. Ненависть Заратустры к последнему человеку, изобретшему счастье, есть священная ненависть к унижительной лжи гуманизма. Заратустра проповедует творчество, а не счастье, он зовет к подъему на горы, а не к блаженству на равнине. Гуманизм – равнина, гуманизм не выносит гор. Ницше почуял, как никто еще и никогда на протяжении всей истории, творческое призвание человека, которого не создала ни антропология святоотеческая, ни антропология гуманистическая. Он проклял добрых и справедливых за то, что они ненавидят творящих. Муку Ницше мы должны разделить, она насквозь религиозна».

Деятели русского символизма Вячеслав Иванов и Дмитрий Мережковский обратились к творчеству Ницше как к мировоззрению, в основе которого лежит вера в абсолютные ценности духа, в нем видели предвестника новой культуры, создателя нового типа человека – свободного, гордого, смелого и талантливого.

«Молодые представители символизма отождествляли себя с Заратустрой, искренне пытались играть его роль пророка, мятежника и бунтовщика против ценностей старой культуры. Провозглашая художника сверхчеловеком, они видели долг творческой личности в свободном от авторитетов выражении себя, своего отношения к миру», – пишет Юлия Синюкова, исследователь творчества философа.

Сверхчеловек Ницше воспринимался не как разрушитель культуры и веры, а напротив, как хранитель идеалов и духовных ценностей, доступных индивиду (личности), но не обществу в целом.

«Глубина духовной культуры Ницше и многообразие содержания его идей давали возможность подходить к нему с разных сторон, понимать и ценить его с самых различных точек зрения», – отмечал Семен Франк в работе «Фридрих Ницше и этика любви к дальнему».

Немецкий философ Алоиз Риль видел в Ницше «философа культуры», а Георг Зиммель считал его родоначальником этики «благородства». Однако ни то, ни другое определение – не говоря уже о множестве прочих, менее удачных – не раскрывают нравственный облик Ницше, и вполне допустимы совершенно иные его характеристики.

Например, немецкий философ Ганс Файхингер писал о нем так: «С одной стороны, учение Ницше разрушительно и в руках неосторожных и незрелых может действовать как умственный и нравственный динамит. Но с другой стороны, оно может вывести нас из “догматической дремоты” и принудить пересмотреть и заново обосновать наши интеллектуальные и моральные ценности... Одни осудят это учение, другие станут восхвалять, третьи частью примут его, частью отвергнут. Но все согласятся, что это учение – заслуживаю-

щий внимания и важный фермент времени. Мы сказали бы слишком мало, если бы признали просто, что оно “будит” нашу мысль. Оно не только будит, но и заставляет задуматься».

Князь Е.Н. Трубецкой в критическом очерке «Философия Ницше» утверждал, что Ницше ниспровергал «идолов» современного человечества и разрушал «его капища», то есть святилища, а на их развалинах хотел «воздвигнуть новую святыню».

Вообще в России на рубеже XIX–XX веков популярность Ницше была очень высокой. Пожалуй, максимальной. Связано это было с тем, что в это время в стране имел место кризис ценностей. Традиционные идеалы и ориентиры русской интеллигенции тогда потускнели и начинался поиск нового. При этом марксизм только еще завоевывал себе сторонников, а идеология народничества уже практически дискредитировала себя. Таким образом, Россия оказалась в идеологическом вакууме, и тут именно Ницше помог русским интеллектуалам обрести свободу духа.

А вот в начале 20-х годов XX века труды Ницше были изъяты из «интеллектуального оборота». В Советском Союзе сочинения Ницше не издавались: считалось, что его идеи использовали для создания своей идеологии фашисты. И только с началом горбачевской перестройки Ницше перестал быть *persona non grata*.

Сергей Нечаев

Человеческое, слишком человеческое Книга для свободных умов

«Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов» (Menschliches, Allzumenschliches: Ein Buch für freie Geister) – это философская работа Ницше, которую он начал в Сорренто (Италия), куда переехал осенью 1876 года, прекратив по состоянию здоровья преподавание в университете. Первоначально книга вышла в двух томах. Первый появился в мае 1878 года в издательстве Эрнста Шмайцнера в Хемнице. На заглавном листе стоял подзаголовок: «Памяти Вольтера. Посвящается столетней годовщине со дня его смерти 30 мая 1778 года». Работа эта произвела впечатление разорвавшейся бомбы, вызвав очень бурный резонанс. Например, Рихард Вагнер весьма агрессивно выступил против нее, что поссорило Ницше с композитором и его артистическим окружением. А вот швейцарский профессор Якоб Буркхардт поддержал работу, назвав «державной книгой» и «книгой, увеличившей независимость в мире».

Сам Ницше написал о своей работе так: «Возникновение этой книги относится к неделям первых байройтских фестшпилей [фестивалей]; глубокая отчужденность от всего, что меня там окружало, есть одно из условий ее возникновения <...> В Клингенбрунне, глубоко затерянном в лесах Богемии, носил я в себе, как болезнь, свою меланхолию и презрение к немцам и вписывал время от времени в свою записную книжку под общим названием “Сонник” тезисы, сплошные жесткие psychologica».

Эта книга стала переломной в философии Ницше. Налицо был явный разрыв с прежними ценностями: метафизикой, Вагнером и т. д. В этой книге Ницше впервые обрушился с критикой на современное ему общество, выступил как нигилист и аморалист. Он, по его собственным словам, решительно восстал против идеализма и всяческого мошенничества высшего порядка. Это было связано с его знакомством с философом-позитивистом и психологом Паулем Рэ (они вместе приехали в Сорренто). Тот подарил Ницше свою книгу «Происхождение моральных чувств», и она сыграла важную роль в трансформации ницшеанского мировоззрения. Не случайно «злые языки» называли этот перелом «беспощадным реализмом».

В критическом очерке «Философия Ницше» Евгений Трубецкой писал, что книга «Человеческое, слишком человеческое» «проникнута скептическим отношением к разуму; именно здесь пространно развивается тема о нелогичности всей нашей жизни, о неспособности нашего разума к познанию, вследствие чего, строго говоря, нам следовало бы воздерживаться от всяких суждений. В этой же книге бессилие человеческого разума объясняется тем, что он является орудием нашей воли, наших страстей».

Предисловие

1

Довольно часто и всегда с большим удивлением мне говорили, что есть что-то общее и отличительное во всех моих произведениях, начиная с «Рождения трагедии» вплоть до недавно опубликованного «Пролога к философии будущего»: все они содержат – говорили мне – западни и сети для неосторожных птиц и едва ли не постоянный незаметный призыв к перевороту всех привычных оценок и ценимых привычек. Как? *Все* это только – человеческое, слишком человеческое? К этому вздоху приводит чтение моих произведений; читатель испытывает некоторого рода пугливость и недоверие даже к морали, более того, его немало искушает и поощряет к защите худших вещей мысль: а что, если это – только наилучшим образом оклеветанные вещи?

Работа «Рождение трагедии из духа музыки» (Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik). Это эстетический трактат, над которым Ницше трудился с осени 1869 года по ноябрь 1871 года. Он был опубликован в 1872 году и переиздан в 1886 году с предисловием «Опыт самокритики» и подзаголовком «Эллинство и пессимизм».

Мои произведения называли школой подозрения, еще более – школой презрения, к счастью, также школой мужества и даже дерзости. И действительно, я и сам не думаю, чтобы кто-то когда-либо глядел на мир с таким глубоким подозрением, как я, и не только в качестве случайного адвоката дьявола, но и – выражаясь богословски – в качестве врага и допросчика Бога; и кто угадывает хоть что-нибудь из последствий всякого глубокого подозрения – из озноба и тревог одиночества, на которые осуждает всякая безусловная *различность взора*, – тот поймет также, как часто, чтобы отдохнуть от себя и как бы временно забыть себя, я тщился приютиться где-либо – в какой-либо почтительности, или вражде, или научности, или шаловливости, или глупости, а также почему, когда я не находил того, что мне было *нужно*, мне приходилось искусственно овладевать им, подделывать и сочинять себе это (и разве поэты делали когда-либо что другое? и для чего же и существует все искусство на свете?). Но что мне было всегда нужнее всего для моего лечения и самовосстановления, так это вера, что я *не* одинок в этом смысле, что мой *взор* не одинок, – волшебное чаяние родства и равенства во взоре и вожделении, доверчивый покой дружбы, слепота вдвоем, без подозрений и знаков вопроса, наслаждение внешностью, поверхностью, близким и ближайшим – всем, что имеет цвет, кожу и видимость. Может быть, в этом отношении меня можно уличить в кое-каком «искусстве» и признать тонким фальшивомонетчиком; уличить, например, в том, что я намеренно-умышленно закрывал глаза на шопенгауэровскую слепую волю к морали в ту пору, когда я уже ясно различал в делах морали, а также что я обманывал себя насчет неизлечимого романтизма Рихарда Вагнера, как если бы он был началом, а не концом; а также насчет греков, а также насчет немцев и их будущности – и, может быть, наберется еще целый длинный список этих «также»? – Но допустим, что все это так, что во всем этом можно с полным основанием уличить меня; что же *вы* знаете, что *можете* вы знать о том, сколько хитрости самосохранения, сколько разума и высшей предосторожности содержится в таком самообмане – и сколько лживости мне еще *нужно*, чтобы я мог всегда сызнова позволять себе роскошь *моей* правдивости?.. Довольно, я еще живу; а жизнь уж так устроена, что она основана не на морали; она *ищет* заблуждения, она *живет* заблуждением... но не правда ли? я опять уже принялся за свое, начал делать то, что делаю всегда, – я, старый

иммориалист и птицелов, – говорить безнравственно, вненравственно, «по ту сторону добра и зла»? —

Иммориалист – не признающий никаких нравственных норм, отрицающий вообще всякий идеал. Ницше многократно высказывался в этом смысле. С его точки зрения, философия должна быть иммориализмом, то есть совершенным отрицанием нравственности.

Е. Трубецкой замечал, что в книге «Человеческое, слишком человеческое» ясно «обрисовываются основные черты “иммориализма” нашего философа; уже здесь перед ним носится идеал личности, возвысившейся над противоположностью добра и зла, “свободно и бесстрашно парящей над людьми, нравами, законами и обычными оценками вещей”; здесь мы несомненно имеем дело с идеалом “сверхчеловека”, хотя и без этого названия».

2

– Так, однажды, когда мне это было нужно, я *изобрел* для себя и «свободные умы», которым посвящена эта меланхолично-смелая книга под названием «Человеческое, слишком человеческое»; таких «свободных умов» нет и не было – но, повторяю, общение с ними было мне нужно тогда, чтобы сохранить хорошее настроение среди худого устройства (болезни, одиночества, чужбины, *acedia*¹, бездеятельности); они были мне нужны как бравые товарищи и призраки, с которыми болтаешь и смеешься, когда есть охота болтать и смеяться, и которых посылаешь к черту, когда они становятся скучными, – как возмещение недостающих друзей. Что такие свободные умы *могли бы* существовать, что наша Европа *будет* иметь среди своих сыновей завтрашнего и послезавтрашнего дня таких веселых и дерзких ребят во плоти и осязательно, а не, как в моем случае, в качестве схем и отшельнической игры в тени – в этом я менее всего хотел бы сомневаться. Я уже вижу, как они *идут*, медленно-медленно; и, может быть, я содействую ускорению их прихода, описывая наперед, в чем я *вижу* условия и пути их прихода? —

3

Можно предположить, что душа, в которой некогда должен совершенно созреть и налиться сладостью тип «свободного ума», испытала, как решающее событие своей жизни, *великий разрыв* и что до этого она была тем более связанной душой и казалась навсегда прикованной к своему углу и столбу. Что вяжет крепче всего? Какие пути почти неразрывны? У людей высокой и избранной породы то будут обязанности – благоговение, которое присуще юности, робость и нежность ко всему издревле почитаемому и достойному, благодарность почве, из которой они выросли, руке, которая их вела, святилищу, в котором они научились поклоняться; их высшие мгновения будут сами крепче всего связывать и дольше всего обязывать их. Великий разрыв приходит для таких связанных людей внезапно, как подземный толчок: юная душа сразу сотрясается, отрывается, вырывается – она сама не понимает, что с ней происходит. Ее влечет и гонит что-то, точно приказание; в ней просыпается желание и стремление уйти, все равно куда, во что бы то ни стало; горячее опасное любопытство по неоткрытому миру пламенеет и пылает во всех ее чувствах. «Лучше умереть, чем жить *здесь*» – так звучит повелительный голос и соблазн; и это «здесь», это «дома» есть все, что

¹ Уныние, безразличие, апатия (лат.).

она любила доселе! Внезапный ужас и подозрение против того, что она любила, молния презрения к тому, что звалось ее «обязанностью», бунтующий, произвольный, вулканически пробивающийся порыв к странствию, чужбине, отчуждению, охлаждению, отрезвлению, оледенению, ненависть к любви, быть может, святотатственный выпад и взгляд *назад*, туда, где она доселе поклонялась и любила, быть может, пыл стыда перед тем, что она только что делала, и вместе с тем восторженная радость, что *она* это делала, упоенное внутреннее радостное содрогание, в котором сказывается победа – победа? над чем? над кем? – загадочная, чреватая вопросами и возбуждающая вопросы победа, но все же *первая* победа – такие опасности и боли принадлежат к истории великого разрыва. Это есть вместе с тем болезнь, которая может разрушить человека, – этот первый взрыв силы и воли к самоопределению, самоустановлению ценностей, эта воля к *свободной* воле; и какая печать болезненности лежит на диких попытках и странностях, посредством которых освобожденный, развязавшийся стремится теперь доказать себе свою власть над вещами! Он блуждает, полный жестокости и неудовлетворенных вожделений; все, чем он овладевает, должно нести возмездие за опасное напряжение его гордости; он разрывает все, что возбуждает его. Со злобным смехом он опрокидывает все, что находит скрытым, защищенным какой-либо стыдливостью; он хочет испытать, каковы все эти вещи, *если* их опрокинуть. Из произвола и любви к произволу он, быть может, дарует теперь свою благосклонность тому, что прежде стояло на плохом счету, – и с любопытством и желанием испытывать проникает к самому запретному. В глубине его блужданий и исканий – ибо он бредет беспокойно и бесцельно, как в пустыне, – стоит знак вопроса, ставимый все более опасным любопытством. «Нельзя ли перевернуть *все* ценности? И, может быть, добро есть зло? А Бог – выдумка и ухищрение дьявола? И, может быть, в последней своей основе все ложно? И если мы обмануты, то не мы ли, в силу того же самого, и обманщики? И не *должны* ли мы быть обманщиками?» – такие мысли отвращают и совращают его все дальше и дальше в сторону. Одиночество окружает и оцепляет его, становится все грознее, удушливей, томительней, эта ужасная богиня и *mater saeva cupidinum*² – но кто еще знает нынче, что такое *одиночество*?..

Ганс Файхингер в работе «Ницше как философ» писал: «В большой публике известно лишь то учение Ницше, которое можно назвать, по его собственному выражению, “по ту сторону добра и зла”. Оно состоит в утверждении, что обычное различие добра и зла неверно. Оно заключается в отрицании или, лучше, в переоценке всех прежних моральных ценностей, в признании морали, противной природе, “противоестественном” (*widernatur*) и в замене ее естественной моралью “сверхчеловека”, который, не заботясь об этой псевдоморальной оценке, беспрепятственно проводит свою естественную “волю к могуществу”. То, что толпа называет “моралью” и считает священным, – ничтожный фетиш, презираемый сильным и умным. Сверхчеловек не руководствуется традиционным разграничением добра и зла».

4

От этой болезненной уединенности, из пустыни таких годов испытания еще далек путь до той огромной, бьющей через край уверенности, до того здоровья, которое не может обойтись даже без болезни как средства и уловляющего крючка для познания, – до той *зрелой* свободы духа, которая в одинаковой мере есть и самообладание, и дисциплина сердца и

² Дикая мать похотей (*лат.*).

открывает пути ко многим и разнородным мировоззрениям, – до той внутренней просторности и избалованности чрезмерным богатством, которая исключает опасность, что душа может потерять самое себя на своих собственных путях или влюбиться в них и в опьянении останется сидеть в каком-нибудь уголку, – до того избытка пластических, исцеляющих, восстанавливающих и воспроизводящих сил, который именно и есть показатель *великого* здоровья, – до того избытка, который дает свободному уму опасную привилегию жить *риском* и иметь возможность отдаваться авантюрам – привилегию истинного мастерства, признак свободного ума! Посередине, быть может, лежат долгие годы выздоровления, годы, полные многоцветных, болезненно-волшебных изменений, руководимые упорной *волей к здоровью*, которая уже часто отваживается рядиться и играть роль настоящего здоровья. Среди этого развития встречается промежуточное состояние, о котором человек, испытавший такую судьбу, позднее не может вспомнить без трогательного чувства: счастье окружает его, подобно бледному, тонкому солнечному свету, он обладает свободой птицы, горизонтом и дерзновением птицы, чем-то третьим, в чем любопытство смешано с нежным презрением. «Свободный ум» – это холодное слово дает радость в таком состоянии, оно почти греет. Живешь уже вне оков любви и ненависти, вне «да» и «нет», добровольно близким и добровольно далеким, охотнее всего ускользая, убегая, отлетая, улетаая снова прочь, снова вверх; чувствуешь себя избалованным, подобно всякому, кто видел *под* собой огромное множество вещей, – и становишься антиподом тех, кто заботится о вещах, которые его не касаются. И действительно, свободного ума касаются теперь вещи, – и как много вещей! – которые его уже не заботят... <...>

Отдел первый О первых и последних вещах

1

Химия понятий и чувств. Философские проблемы принимают теперь опять почти во всех областях ту же форму, какую они имели две тысячи лет назад: как может что-либо возникнуть из своей противоположности, например разумное из неразумного, ощущающее из мертвого, логика из нелогического, бескорыстное созерцание из вожделеющего хотения, жизнь для других из эгоизма, истина из заблуждений? Метафизическая философия одолевала доселе эту трудность тем, что отрицала возникновение одного из другого и в отношении более высоко ценимых вещей принимала чудесное происхождение непосредственно из ядра и существа «вещи в себе». Напротив, историческая философия, которую вообще нельзя уже мыслить отдельно от естествознания и которая есть самый новый из всех философских методов, установила в отдельных случаях (и, вероятно, к такому результату она придет во всех случаях), что это вообще не противоположности – разве только в обычном преувеличении популярного или метафизического понимания – и что в основе этого противопоставления лежит заблуждение разума; согласно ее объяснению, не существует, строго говоря, ни неэгоистического поведения, ни совершенно бескорыстного созерцания: то и другое суть лишь утончения, в которых основной элемент кажется почти испарившимся, так что лишь самое тонкое наблюдение может обнаружить его присутствие. – В чем мы нуждаемся и что лишь при современном уровне отдельных наук может быть нам дано – есть *химия* моральных, религиозных, эстетических представлений и чувств, равно как всех душевных движений, которые мы испытываем в крупных и мелких отношениях культурной и общественной жизни и даже в одиночестве; а что, если эта химия закончилась бы выводом, что и в этой области самые роскошные краски добыты из низменного, презираемого материала? Многие ли будут иметь охоту подчиниться таким исследованиям? Человечество любит заглушать в своем сознании вопросы о происхождении и началах; и не нужно ли почти лишиться человеческого облика, чтобы почувствовать в себе противоположное влечение? —

2

Наследственный недостаток философов. Все философы обладают тем общим недостатком, что они исходят из современного человека и мнят прийти к цели через анализ последнего. Непроизвольно им предносится «человек» вообще как некая *aeterna Veritas*³, как неизменное во всеобщем потоке, как надежное мерило вещей. Однако всё, что философ высказывает о человеке, есть, в сущности, не что иное, как свидетельство о человеке *весьма ограниченного* промежутка времени.

Отсутствие исторического чувства есть наследственный недостаток всех философов; многие из них принимают даже самоновейшую форму человека, возникшую под влиянием определенных религий, иногда просто под влиянием определенных политических событий, за прочную форму, из которой следует исходить. Они не хотят усвоить того, что человек есть продукт развития, что и его познавательная способность есть продукт развития, тогда как некоторые из них хотят даже вывести весь мир из этой познавательной способности. – Но все

³ Вечная Истина (*лат.*).

существенное в человеческом развитии произошло в первобытные времена, задолго до тех 4000 лет, которые мы приблизительно знаем; в этот последний промежуток человек вряд ли сильно изменился. Философ же видит «инстинкты» в современном человеке и признает, что они принадлежат к неизменным фактам человеческой жизни и в этом смысле образуют даже ключ к пониманию мира вообще: вся телеология построена на том, что о человеке последних четырех тысячелетий говорят как о *вечном* человеке, к которому все вещи в мире изначально имеют естественное отношение. Однако всё возникло; не существует *вечных фактов*, как не существует абсолютных истин. – Следовательно, отныне необходимо *историческое философствование*, а вместе с ним и добродетель скромности.

3

Оценка незаметных истин. Признаком высшей культуры является более высокая оценка маленьких, незаметных истин, найденных строгими методами, чем благодетельных и ослепительных заблуждений, обязанных своим происхождением метафизическим и художественным эпохам и людям. Первые непосредственно встречаются насмешкой, как будто не может быть и речи об их равноценности последним: ведь по сравнению с блеском, красотой, упоительностью и, быть может, благодетельностью последних они кажутся такими скромными, простыми, трезвыми и, по-видимому, даже наводящими уныние. Однако добытое упорным трудом, достоверное, длительное и потому полезное для всякого дальнейшего познания есть все же высшее; держаться его – значит действовать мужественно и свидетельствует о смелости, непритязательности и воздержности. Постепенно не только отдельная личность, но и все человечество возвысится до этой мужественности, когда оно наконец приучится больше ценить прочные, длительные познания и потеряет веру во вдохновение и чудесное приобретение истин. – Правда, почитатели *форм* с их мерилем прекрасного и возвышенного будут сначала иметь основания насмехаться, когда начнет преобладать научный дух и оценка незаметных истин, но лишь потому, что их взору еще не открылась прелесть простейшей формы, или же потому, что воспитанные в этом духе люди еще долго не проникнутся им всецело и внутренне, так что они все еще будут бессмысленно подражать старым формам (и притом довольно плохо, как всегда, когда не придают большого значения тому, что делают). Некогда дух не был занят строгим мышлением, и тогда он серьезно посвящал себя выдумыванию символов и форм. Теперь это изменилось; такое серьезное отношение к символическому стало признаком низкой культуры. Подобно тому как сами наши искусства становятся все более интеллектуальными и наши чувства – все более духовными, как, например, мы теперь совсем иначе судим о чувственном благозвучии, чем сто лет тому назад, – так и формы нашей жизни становятся все более *духовными*, для взора прежних эпох, быть может, более *безобразными*, но лишь потому, что он не способен видеть, как постепенно все углубляется и расширяется царство внутренней, духовной красоты и как для нас всех теперь одухотворенный взор может иметь большее значение, чем прекраснейшее строение тела и самое возвышенное архитектурное произведение. <...>

5

Неправильное понимание сна. В эпохи грубой, первоначальной культуры человек полагал, что во сне он узнаёт *другой реальный мир*; здесь лежит начало всей метафизики. Без сна человек не имел бы никакого повода для деления мира на две половины. Деление на душу и тело также связано с самым древним пониманием сна, равно как и допущение воображаемого душевного тела, т. е. происхождение всей веры в духов и, вероятно, также веры

в богов. «Мертвый продолжает жить, *ибо* он является во сне живому» – так умозаключали некогда, много тысячелетий подряд.

Метафизика – это раздел философии, изучающий явления и процессы, имеющие имматериальную природу, но находящиеся в тесной связи с физическими явлениями и материальной природой, а также оказывающие друг на друга взаимное влияние (от *греч.* *meti ta physika* – «то, что за физическим»).

6

Научный дух могуществен в частностях, но не в целом. Отдельные, *самые мелкие* области науки трактуются чисто объективно; в отношении же общих крупных наук, рассматриваемых как целое, легко возникает вопрос – весьма необъективный вопрос: к чему они? какую пользу они приносят? В силу этого соображения полезности они, как целое, трактуются менее безлично, чем в своих частях. Наконец, в философии, как в вершине всей пирамиды знания, произвольно поднимается вопрос о пользе познания вообще, и каждая философия бессознательно имеет намерение приписать ему *высшую* полезность. Поэтому во всех философиях есть столько высоко парящей метафизики и такая боязнь незначительных с виду решений физики: ибо значительность познания для жизни *должна* казаться возможно большей. В этом антагонизм между отдельными научными областями и философией. Последняя, подобно искусству, хочет придать жизни и действованию возможно большую глубину и значительность; в первых ищут только познания, и ничего более, – что бы из этого ни вышло. Не существовало доселе еще ни одного философа, в чьих руках философия не превращалась бы в апологию познания; в этом пункте по крайней мере каждый философ оптимист и уверен, что познанию должна быть приписана высшая полезность. Все они тирализированы логикой, а логика есть по своему существу оптимизм.

7

Возмутитель спокойствия в науке. Философия отделилась от науки, когда она поставила вопрос: каково то познание мира и жизни, при котором человек живет счастливее всего? Это совершилось в сократических школах: точка зрения *счастья* задержала кровообращение научного исследования – и задерживает его еще и поныне. <...>

9

Метафизический мир. Несомненно, что метафизический мир мог бы существовать; абсолютная возможность этого вряд ли может быть оспариваема. Мы видим все вещи сквозь человеческую голову и не можем отрезать этой головы; а между тем все же сохраняет силу вопрос: что осталось бы от мира, если отрезать голову? Это есть чисто научный вопрос, мало способный озабочивать человека; но все, что доселе делало метафизические допущения *ценными, ужасными, радостными* для людей, что их создавало, есть страсть, заблуждение и самообман: веру в них воспитывали не самые лучшие, а самые худшие методы познания. Открыть эти методы как основу всех существующих религий и метафизик – значит опровергнуть их!

Здесь хорошо обратиться к работе Ганса Файхингера «Ницше как философ», в которой дается такое пояснение: «Ницше признает “вечное

возвращение” всех вещей, “вечную жизнь”. Но как не похоже это понятие на понятие того же написания в религии. Христианство обещает вечную жизнь тому, кто в этой преходящей жизни распинает свою плоть, отрекается от своего эгоистического “я” и следует заповеди всеобщей любви к людям, – тому, кто поступает совершенно иначе, чем наставляет Ницше. Поэтому у Ницше замечается сильная антирелигиозная, и в частности антихристианская, тенденция <...> Со времени Вольтера и Фейербаха религия не имела больше ни одного столь ожесточенного врага».

Тогда все еще сохраняется указанная выше возможность; но с ней просто нечего начать, не говоря уже о том, чтобы можно было ставить счастье, благо и жизнь в зависимость от хитросплетений такой возможности. – Ибо о метафизическом мире нельзя было бы высказать ничего, кроме того, что он – иной мир, что это есть недоступное, непостижимое иное бытие; это была бы вещь с отрицательными качествами. – Если бы существование такого мира было доказано совершенно точно, то все же было бы несомненно, что самое безразличное из всех познаний есть именно его познание; еще более безразличное, чем моряку среди опасностей бури – познание химического анализа воды.

10

Безвредность метафизики в будущем. Как только религия, искусство и мораль будут описаны в их происхождении, так что их можно будет сполна объяснить, не прибегая к допущению *метафизических вмешательств* в начале и в середине пути, – прекратится сильнейший интерес к чисто теоретической проблеме «вещи в себе» и «явления». Ибо – как бы дело ни обстояло здесь – через религию, искусство и мораль мы не прикасаемся к «существу мира в себе»; мы находимся в области представления, и никакое «чаяние» не может унести нас дальше. Вопрос о том, каким образом наша картина мира может так сильно отличаться от освоенного существа мира, будет с полным спокойствием предоставлен физиологии и истории развития организмов и понятий.

Вещь в себе – философский термин, обозначающий объекты умопостигаемые, в отличие от чувственно воспринимаемых феноменов; вещь как таковая, вне зависимости от нашего восприятия.

Явление – вообще всё, что чувственно воспринимаемо; особенно бросающееся в каком-то отношении в глаза.

11

Язык как мнимая наука. Значение языка для развития культуры состоит в том, что в нем человек установил особый мир наряду с прежним миром, – место, которое он считал столь прочным, что, стоя на нем, переворачивал остальной мир и овладевал им. Поскольку человек в течение долгих эпох верил в понятия и имена вещей как в *aeternae veritates*⁴, он приобрел ту гордость, которая возвысила его над животным: ему казалось, что в языке он действительно владеет познанием мира. Творец языка не был настолько скромным, чтобы думать, что он дал вещам лишь новые обозначения; он мнил, напротив, что выразил в словах высшее знание вещей; и действительно, язык есть первая ступень в стремлении к науке.

⁴ Вечные истины (лат.).

Вера в найденную истину явилась и здесь источником самых могущественных сил. Гораздо позднее – лишь теперь – людям начинает уясняться, что своей верой в язык они распространили огромное заблуждение. К счастью, теперь уже слишком поздно, и развитие разума, основанное на этой вере, не может быть снова отменено. – И *логика* также покоится на предпосылках, которым не соответствует ничего в действительном мире, например, на допущении равенства вещей, тождества одной и той же вещи в различные моменты времени; но эта наука возникла в силу противоположной веры (что такого рода отношения подлинно существуют в реальном мире).

Логика (от *греч.* Logos – «слово», «понятие», «разум») – мастерство рассуждения, наука о формах и методах интеллектуальной познавательной деятельности.

Так же обстоит дело с *математикой*, которая, наверно, не возникла бы, если бы с самого начала знали, что в природе нет точной прямой линии, нет действительного круга и нет абсолютного мерила величины.

12

Сон и культура. Мозговая функция, наиболее нарушаемая сном, есть память. Не то чтобы она совсем приостанавливалась – но она сведена к такому состоянию несовершенства, в каком она находилась, вероятно, в первобытные времена у всякого человека днем и наяву. Будучи произвольной и спутанной, она постоянно смешивает вещи на основании самых мимолетных сходств; но с такой же произвольностью и смутностью народы сочиняли свои мифологии, и еще теперь путешественники часто замечают, как сильно дикарь склонен к забывчивости и как его дух, после краткого напряжения памяти, начинает шататься по сторонам, и от простого утомления он говорит ложь и бессмыслицу. Но все мы во сне похожи на такого дикаря; плохое узнавание виденного и ошибочное отождествление есть источник дурных умозаключений, в которых мы повинны во время сна; так что, когда мы отдаем себе ясный отчет в нашем сне, мы пугаемся, что в нас таится столько безумия. – Совершенная отчетливость всех представлений сна, которая опирается на безусловную веру в их реальность, напоминает нам состояние прежнего человечества, когда галлюцинации были чрезвычайно часты и иногда охватывали одновременно целые общины и целые народы. Итак, во сне и его грезах мы снова проходим урок прежнего человечества.

13

Логика сна. Во сне наша нервная система постоянно возбуждается множеством внутренних поводов, почти все органы находятся в деятельности, кровь совершает свой бурный круговорот благодаря положению спящего, отдельные члены придавлены, покрывала влияют различно на ощущения, желудок переваривает и беспокоит своими движениями другие органы, кишечник извивается, положение головы определяет собой необычное положение мускулов, ноги, оставаясь необутыми и не опираясь подошвами на почву, причиняют ощущение необычного, равно как и иное одевание всего тела, – всё это, ежедневно меняясь, усиливаясь и ослабевая, своею необычностью возбуждает всю систему вплоть до функции мозга. И таким образом, у духа есть сотни поводов удивляться и искать *причин* этого возбуждения; сон же есть *искание и представление причин* для этих возбужденных ощущений, т. е. мнимых причин. У кого, например, ноги опоясаны двумя ремнями, тому, может быть, снится, что две змеи обвиваются вокруг его ног; это есть сначала гипотеза, затем вера,

сопровождаясь образным представлением и измышлением: «эти змеи должны быть *сауса*⁵ того ощущения, которое испытываю я, спящий» – так судит дух спящего. Умозаключенное таким образом прошлое становится для него благодаря возбужденной фантазии настоящим. Так, всякий по личному опыту знает, как быстро спящий вплетает в свой сон доходящий до него сильный звук, например звон колоколов или пушечный выстрел, т. е. объясняет его *задним числом*, так что ему *кажется*, что он сперва пережил обуславливающие обстоятельства, а затем уже данный звук. – Но почему же дух спящего всегда ошибается, тогда как дух бодрствующий обыкновенно столь трезв, осторожен и скептичен в отношении гипотез? – Почему он удовлетворяется первой попавшейся гипотезой для объяснения чувства и тотчас же верит в ее истинность? (Ибо во сне мы верим в сон, как будто он есть реальность, т. е. мы считаем нашу гипотезу вполне доказанной.) – Я полагаю: как еще теперь человек умозаключает во сне, так человечество умозаключало и *наяву* много тысячелетий подряд: первая *сауса*, которая приходила в голову, чтобы объяснить что-либо нуждавшееся в объяснении, была достаточна и принималась за истину. (Так, согласно рассказам путешественников, поступают дикари еще и теперь.) Во сне это первобытное свойство человечества возрождается в нас, ибо это есть основа, на которой развился и еще развивается в каждом человеке высший разум: сон переносит нас назад, к отдаленным эпохам человеческой культуры, и дает нам средство лучше понять их. <...>

15

В мире нет ничего «внутреннего» и «внешнего». Подобно тому как Демокрит перенес понятия «верх» и «низ» на бесконечное пространство, где они не имеют никакого смысла, так философы вообще перенесли понятия «внутри» и «снаружи» на сущность и явление мира; они мнят, что глубокие чувства вводят глубоко внутрь и приближают к сердцу природы. Но эти чувства глубоки лишь в том смысле, что ими, еле заметно, постоянно возбуждаются известные сложные группы мыслей, которые мы называем глубокими; чувство глубоко, потому что мы считаем глубокой сопровождающую его мысль.

Демокрит Абдерский – древнегреческий философ, предположительно ученик Левкиппа, один из основателей материалистической философии и атомистики.

Но «глубокая» мысль может все же быть весьма далека от истины, как, например, всякая метафизическая мысль; если от глубокого чувства отнять примешанные к нему элементы мысли, то останется *сильное* чувство; последнее же свидетельствует для познания только о самом себе, точно так же как сильная вера доказывает только свою силу, а не истинность своего объекта. <...>

17

Метафизические объяснения. В юности человек ценит метафизические объяснения, потому что они обнаруживают ему в вещах, которые он находил неприятными или презренными, нечто весьма значительное; и если он недоволен собой, то это чувство облегчается, когда он узнаёт глубочайшую загадку мира или несчастье мира в том, что он не одобряет в себе. Чувствовать себя самого менее ответственным и вместе с тем находить вещи более интересными – есть для него двойное благодеяние, которым он обязан метафизике. Позднее, правда, он начинает испытывать недоверие ко всему метафизическому способу объясне-

⁵ Причина (лат.).

ния; тогда, быть может, он также усматривает, что эти результаты достижимы другим путем и более научным способом, что физические и исторические объяснения по меньшей мере столь же возбуждают это чувство безответственности и что интерес к жизни и ее проблемам разгорается при этом, быть может, еще более.

В ранний период своей философской деятельности Ницше искал метафизического утешения и находил его в созерцании единой вечной сущности, того безусловного, подлинного бытия, которое уже «не может быть отрицаемо». Потом он пришел к заключению, что над миром явлений нет ничего безусловного, «ничего такого, чего бы нельзя было высмеять». И для него не стало больше утешения метафизического. И он стал искать утешения уже не по ту сторону, а по эту сторону мироздания.

18

Основные вопросы метафизики. Если некогда будет написана история происхождения мышления, то будет озарено новым светом и следующее суждение одного выдающегося логика: «Первичный всеобщий закон познающего субъекта состоит во внутренней необходимости познавать каждый предмет сам по себе, в его собственном существе, как тождественный самому себе, т. е. как самостоятельно существующий и в основе пребывающий и неизменный – словом, как субстанцию». И этот закон, который назван здесь «первичным», имеет происхождение: когда-нибудь будет показано, как постепенно в низших организмах возникла эта склонность; как подслеповатые кротовьи глаза этих организаций сначала видели всюду одно и то же; как затем, когда стали ощутительнее различные возбуждения удовольствия и страдания, постепенно начали различаться разные субстанции, но каждая – с *одним* только атрибутом, т. е. с единственным своим отношением к такому организму. – Первая ступень логического есть суждение; сущность же его состоит, согласно признанию лучших логиков, в вере. В основе всякой веры лежит *чувство приятного или болезненного* в отношении к ощущающему субъекту. Новое, третье чувство, как результат двух предшествовавших отдельных чувств, есть суждение в его низшей форме. – Нас, органических существ, первоначально интересует в каждой вещи только ее отношение к нам в смысле удовольствия и страдания. Между моментами, когда мы сознаем это отношение, – между состояниями чувств – лежат состояния покоя, бесчувственности: тогда мир и все вещи лишены интереса для нас, мы не замечаем никакого изменения в них (как еще теперь человек, страстно заинтересованный чем-либо, не замечает, когда кто-нибудь проходит мимо него). Для растения обыкновенно все вещи покойны, вечны, каждая вещь равна самой себе. От периода низших организмов человек унаследовал веру, что существуют *одинаковые вещи* (лишь опыт, развитый при высшем уровне науки, противоречит этому суждению). Первичная вера всего органического с самого начала состоит, быть может, даже в том, что весь остальной мир един и неподвижен. – Менее всего этой первичной ступени логического развития доступна мысль о *причинности*; еще теперь даже мы, в сущности, считаем все ощущения и действия актами свободной воли; когда чувствующий индивид рассматривает самого себя, всякое ощущение, всякое изменение представляется ему чем-то *изолированным*, т. е. безусловным, бессвязным: оно всплывает из нашего сознания без связи с прошедшим или будущим. Мы чувствуем голод, но первоначально не думаем, что организм ищет самосохранения; напротив, это чувство, по-видимому, сказывается *без основания и цели*, оно изолируется и считает себя *произвольным*. Итак, вера в свободу воли есть первоначальное заблуждение всего органического мира, столь же старое, как первые пробуждения логической мысли; вера в безусловные субстанции и в одинаковые вещи есть также первоначаль-

ное, столь же старое заблуждение всего органического мира. И поскольку вся метафизика преимущественно занималась субстанцией и свободой воли, ее можно обозначить как науку, трактующую об основных заблуждениях человека, – но только так, как будто бы это были основные истины.

19

Число. Открытие законов чисел было сделано на почве первоначально уже господствовавшего заблуждения, что существует множество одинаковых вещей (тогда как в действительности нет ничего одинакового) и по меньшей мере что существуют вещи (тогда как не существует никакой «вещи»). Допущение множественности всегда уже предполагает, что существует *нечто*, что встречается неоднократно; но именно здесь уже царит заблуждение, уже здесь мы измышляем сущности, единства, которых нет на самом деле. – Наши ощущения пространства и времени ложны, ибо, будучи последовательно проверены, они приводят к логическим противоречиям. Во всех научных выводах мы неизбежно всегда включаем в расчет некоторые ложные величины; но так как эти величины по крайней мере *постоянны*, как, например, наше ощущение времени и пространства, то результаты науки приобретают все же совершенную строгость и точность в их взаимоотношении между собою; на них можно опираться – до того последнего, конечного вывода, в котором ошибочные основные допущения – упомянутые постоянные ложные величины – вступают в противоречие с результатами, например в атомистической теории.

Атомизм – теория, согласно которой чувственно воспринимаемые (материальные) вещи состоят из химически неделимых частиц – атомов. Возникла в древнегреческой философии. Дальнейшее развитие получила в философии и науке Средних веков и Нового времени. Термин «атомизм» употребляется в двух смыслах. В широком смысле атомизмом называется любое учение об атомах, в узком – древнегреческая философская школа V–IV веков до н. э. В обоих случаях употребляется также термин «атомистика».

Тут мы все еще чувствуем себя вынужденными допустить «вещь» или материальный «субстрат», который движется, – тогда как вся научная работа именно и преследовала задачу разложить все вещеобразное (материальное) на движения: мы и здесь еще различаем в нашем ощущении между движущим и движимым и не можем выйти из этого круга, ибо вера в вещи издавна выросла в наше существо. <...>

Субстрат (от позднелат. Substratum – «основа», «подстилка») – общая основа многообразных явлений; основа общности или сходства однородных явлений; совокупность относительно простых, в определенном смысле элементарных оснований, взаимодействие которых обуславливает свойства какой-то системы или процесса.

24

Возможность прогресса. Когда ученый старой культуры дает себе клятву не иметь сношений с людьми, которые верят в прогресс, он прав. Ибо старая культура имеет свое величие и благость позади себя, и историческое образование вынуждает признать, что ей никогда уже не удастся восстановить былую свежесть; нужна невыносимая тупость или столь же несносная мечтательность, чтобы отрицать это. Но люди могут *сознательно* решиться развивать в себе новую культуру, тогда как прежде их развитие шло бессозна-

тельно и случайно; они могут создать теперь лучшие условия для рождения людей, для их питания, воспитания, обучения; они могут рассудительно управлять миром как целым, взаимно оценивать и распределять общие силы человечества. Эта новая, сознательная культура уничтожает старую, которая, рассматриваемая в целом, вела бессознательную животную или растительную жизнь; она уничтожает также недоверие к прогрессу – прогресс *возможен*. Я хочу сказать: преждевременно и почти бессмысленно верить, что прогресс должен наступить *необходимо*; но как можно отрицать, что он возможен? Напротив, прогресс в духе старой культуры и на ее пути даже немыслим. Когда романтическая фантастика все еще употребляет слово «прогресс» в применении к своим целям (например, к замкнутым оригинальным народным культурам), то она во всяком случае заимствует его образ из прошлого, ее мышление и представление в этой области лишены всякой оригинальности.

25

Частная и мировая мораль. С тех пор как утрачена вера, что Бог руководит судьбами мира в целом и, несмотря на все кажущиеся отклонения в пути человечества, все же превосходно ведет его, – люди должны сами ставить себе вселенские, объемлющие всю Землю, цели. Прежняя мораль, в особенности мораль Канта, требует от отдельного человека действий, которых можно желать от всех людей; это было прекрасное наивное мнение: как будто кто-либо без дальнейших размышлений знает, при каком поведении человечество как целое преуспевает, т. е. какие действия вообще желательны; эта теория, подобно учению о свободе торговли, предполагает, что всеобщая гармония *должна* возникнуть сама собою по врожденным законам развития.

Иммануил Кант (1724–1804) – немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии.

Мораль, согласно Канту, нельзя рассматривать лишь как способ достижения какого-то результата. По Канту, в морали человек должен сам осознавать необходимость определенных действий и сам понуждать себя к этому. Утверждая свободу, человек выступает творцом собственного нравственного мира, он сам себе предписывает закон действий.

Быть может, будущий обзор потребностей человечества признает отнюдь не желательным, чтобы все люди поступали одинаково; напротив, в интересах вселенской цели придется для отдельных этапов человечества поставить специальные задачи, при случае, быть может, даже дурные задачи. – Во всяком случае, если человечество не хочет погубить себя таким планомерным всеобщим управлением, то должно быть найдено в неизвестном доселе раз-
мере *знание условий культуры* как научное мерило для вселенских целей. В этом состоит огромная задача великих умов ближайшего века.

26

Реакция как прогресс. Иногда появляются резкие, могущественные и захватывающие, но тем не менее отсталые умы, которые еще раз воскрешают пройденную фазу человечества; они служат доказательством, что новые направления, которым они противодействуют, еще недостаточно сильны, что в них чего-то не хватает: иначе последние сумели бы лучше отразить этих заклинателей прошлого. Так, например, Реформация Лютера свидетельствует о том, что в его эпоху все движения свободы духа были еще неверными, робкими, юношескими; наука еще не могла поднять головы.

Мартин Лютер (1483–1546) – христианский богослов, переводчик Библии на немецкий язык. Его именем названо одно из направлений протестантизма (лютеранство). Основой его реформаторской деятельности было стремление показать, что священники не являются посредниками между Богом и человеком, что они лишь должны направлять паству и являть собой пример истинных христиан. «Человек спасает душу не через Церковь, а через веру», – писал Лютер. Он опровергал догмат божественности личности папы, при этом он ссылался на православную церковь, которая обходится без папы и его безграничных полномочий.

И даже все Возрождение кажется первой весной, которая почти вновь засыпается снегом.

Возрождение (Ренессанс) – период в истории культуры Западной и Центральной Европы XIV–XVI вв., основным содержанием которого было становление новой, «земной», светской по своей сути картины мира, кардинально отличной от средневековой. Строительным материалом для здания новой культуры послужила античность, которая как бы возрождалась к новой жизни.

Но и в нашем столетии метафизика Шопенгауэра доказала, что и теперь еще научный дух недостаточно силен; поэтому средневековое христианское миропонимание и человекоощущение могло еще раз полностью воскреснуть в учении Шопенгауэра, несмотря на давно уже осуществленное уничтожение всех христианских догматов. Науки в его учении хоть отбавляй, но не она властвует над последним, а, напротив, старая, хорошо знакомая «метафизическая потребность». Несомненно, одним из величайших и неоценимых преимуществ, которое мы получаем от Шопенгауэра, является то, что он временно оттесняет наше чувство назад, к старым, могущественным формам понимания мира и людей, к которым иначе мы не так легко нашли бы путь. Приобретение для истории и справедливости весьма велико: я думаю, теперь никому не удалось бы легко без помощи Шопенгауэра проявить справедливость к христианству и его азиатским родственникам, что в особенности невозможно на почве еще существующего христианства. Лишь после этого великого *успеха справедливости*, лишь после того, как нам довелось исправить в столь существенном пункте исторический метод рассмотрения, который принесла с собой эпоха Просвещения, мы вправе снова нести далее знамя Просвещения – знамя, на котором написаны три имени: Петрарки, Эразма и Вольтера. Из реакции мы сделали прогресс.

Эпоха Просвещения – интеллектуальное и духовное движение конца XVII – начала XIX вв. в Европе и Северной Америке. Оно явилось естественным продолжением гуманизма Возрождения и рационализма начала Нового времени, заложивших основы просветительского мировоззрения: отказ от религиозного миропонимания и обращение к разуму как к единственному критерию познания человека и общества.

Франческо Петрарка (1304–1374) – итальянский поэт, глава старшего поколения гуманистов, один из величайших деятелей итальянского Проторенессанса, предшествовавшего эпохе Возрождения.

Эразм Роттердамский (1469–1536) – крупнейший ученый Северного Возрождения, прозванный «князем гуманистов». Способствовал

возвращению в культурный обиход литературного наследия античности, писал преимущественно на латыни.

Вольтер (1694–1778) – он же Франсуа-Мари Аруэ, один из величайших французских философов-просветителей XVIII века: поэт, прозаик, сатирик, трагик, историк и публицист.

27

Замена религии. Считается одобрением какой-либо философии, если ее признают заменой религии для народа. И действительно, в духовной экономии иногда необходимы переходные группы мыслей; так, переход от религии к научному миропониманию есть насильственный опасный скачок, которого нельзя рекомендовать. В этом смысле указанное одобрение справедливо. Но нужно наконец также понять, что потребности, которые удовлетворяла религия и отныне должна удовлетворять философия, не неизменны; сами эти потребности можно *ослабить и истребить*. Вспомним, например, христианскую душевную нужду, вздохи о внутренней испорченности, заботу о спасении – все это суть представления, проистекающие только из заблуждений разума и заслуживающие не удовлетворения, а уничтожения. Философия может быть полезна либо тем, что она также *удовлетворяет* эти потребности, либо тем, что она их *устраняет*; ибо это суть привитые, ограниченные во времени потребности, которые покоятся на предпосылках, противоречащих предпосылкам науки. Здесь в качестве перехода следует скорее воспользоваться *искусством*, чтобы облегчить перегруженную чувствами душу, ибо искусство гораздо менее поддерживает эти представления, чем метафизическая философия. От искусства можно затем легче перейти к действительно освобождающей философской науке.

28

Обесславленные слова. Долой изношенные до скуки слова «оптимизм» и «пессимизм»! Со дня на день уменьшается повод употреблять их; лишь болтуны нынче все еще не могут обойтись без них. Ибо к чему непременно быть оптимистом, если уже не приходится защищать Бога, который *должен* был создать лучший из миров, будь Он Сам благом и совершенством, – и какой мыслитель нуждается теперь в гипотезе Бога? – Но точно так же отсутствует и всякий повод к пессимистическому вероучению, если не нуждаешься в том, чтобы досаждал адвокатам Бога, богословам или богословствующим философам, и подчеркнуто защищать противоположное утверждение: что зло властвует, что страдание превышает удовольствие, что мир есть неудачное создание, проявление злой воли к жизни. Но кто еще заботится теперь о богословах – кроме самих богословов? – Если отвлечься от всякого богословия и борьбы с ним, то ясно, что мир не хорош и не дурен – и еще менее есть «лучший» или «худший» из миров – и что понятия «добротого» и «злотого» имеют смысл лишь в применении к людям, да и здесь, пожалуй, неправомерны в их обычном употреблении. От хулящего и славословящего миропонимания мы во всяком случае должны уклониться. <...>

Оптимизм (от лат. *optimus* – «наилучший») – взгляд на жизнь с позитивной точки зрения, уверенность в лучшем будущем. Является противоположностью пессимизму. Самым характерным примером противопоставления оптимизма и пессимизма является суждение человека о стакане, заполненном водой ровно наполовину. Считается, что оптимист

уверен, что такой стакан наполовину полон, а вот пессимист полагает, что стакан наполовину пуст.

Ганс Файхингер в работе «Ницше как философ» замечал: «Очень распространен предрассудок, будто Ницше пессимист. Это ошибочно. Ницше, наоборот, решительный антипессимист, какого только можно себе представить... Столь распространенный в наше время пессимизм представляется ему признаком глубокого застоя нашей культуры: разочарование жизнью, отрицание жизненных ценностей в его глазах – явления разложения».

30

Дурные привычки в умозаключении. Самые ошибочные умозаключения людей суть следующие: вещь существует – следовательно, она имеет право на это. Здесь от жизне-способности умозаключают к целесообразности и от целесообразности – к правомерности. Далее: такое-то мнение дает счастье – следовательно, оно истинно; действие его хорошо – следовательно, оно само хорошо и истинно. Здесь действию приписывают предикат «приносящего счастье», хорошего в смысле полезности и затем переносят на причину тот же предикат хорошего, но уже в смысле логической правомерности.

Предикат (от лат. *praedicatum* – «заявленное», «упомянутое», «сказанное») – это то, что утверждается о субъекте. Субъектом высказывания называется то, о чем делается утверждение.

Обращение суждений гласит: что-либо не может пробыть, удержаться – следовательно, оно не право; мнение мучит, возбуждает – следовательно, оно ложно. Свободный ум, который слишком часто встречается с такого рода умозаключениями и страдает от их результатов, часто впадает в искушение делать противоположные выводы, которые в общем, разумеется, также суть ложные умозаключения: что-либо не может пробыть – следовательно, оно хорошо; мнение тревожит, беспокоит – следовательно, оно истинно.

31

Нелогичное необходимо. К вещам, которые могут привести в отчаяние мыслителя, принадлежит познание, что нелогичное тоже необходимо для человека и что из него исходит много хорошего. Оно столь крепко засело в страстях, в языке, в искусстве, в религии и вообще во всем, что делает жизнь ценной, что его нельзя извлечь, не нанеся тем самым неисчислимого вреда всем этим прекрасным вещам. Лишь самые наивные люди могут верить, что природа человека может быть превращена в чисто логическую; но если бы существовали степени приближения к этой цели, как много пришлось бы потерять на этом пути! Даже разумнейший человек нуждается от времени до времени в природе, т. е. в своем *основном нелогичном отношении ко всем вещам*.

32

Несправедливость необходима. Все суждения о ценности жизни развиты нелогично и потому несправедливы. Нечистота суждения лежит прежде всего в характере доступности материала, который именно весьма неполон, во-вторых, в способе, каким ему подво-

дится итог, и в-третьих, в том, что каждая отдельная часть материала есть в свою очередь результат нечистого познания, и притом совершенно неизбежно. Ни один опыт, например о человеке, как бы близок нам ни был последний, не может быть настолько полным, чтобы мы имели логическое право подвести ему общий итог; все оценки преждевременны и неизбежно должны быть таковыми. Наконец, мера, которою мы мерим, – наше существо – есть не неизменная величина, у нас есть настроения и колебания, и все же мы должны были бы знать себя как прочное мерило, чтобы справедливо оценить отношение какой-либо вещи к нам. Быть может, из этого должно вытекать, что вообще не следует судить; если бы только можно было *жить*, не производя оценок, не имея симпатий и антипатий! – ибо всякая симпатия и антипатия связаны с оценкой. Инстинкта, влекущего к чему-либо или отвлекающего от чего-либо, без сознания того, что хочешь полезного и избегаешь вредного, – инстинкта без некоторого рода познающего определения ценности цели не существует у человека. Мы – изначально нелогичные и потому несправедливые существа и *можем познать это*; и это есть одна из величайших и самых неразрешимых дисгармоний бытия.

33

Заблуждение о жизни необходимо для жизни. Всякая вера в ценность и достоинство жизни основана на нечистом мышлении; она возможна только потому, что сочувствие к общей жизни и страданиям человечества весьма слабо развито в личности. Даже те редкие люди, мысль которых вообще выходит за пределы их собственной личности, усматривают не эту всеобщую жизнь, а только ограниченные части последней. Если уметь обращать взор преимущественно на исключения – я хочу сказать, на высокие дарования и богатые души, – если их возникновение считать целью мирового развития и наслаждаться их деятельностью, то можно верить в ценность жизни именно потому, что при этом *упускаешь из виду* других людей, т. е. мыслишь нечисто. И точно так же, пусть даже сосредоточиваясь на всех людях, но признавая в них действие только *одного* рода мотивов – менее эгоистических – и прощая им другие влечения, можно опять-таки надеяться на что-либо от всего человечества, и постольку верить в ценность жизни, следовательно, и в этом случае благодаря нечистоте мышления. Будешь ли поступать так или иначе, при таком отношении к жизни являешься *исключением* среди людей. Но ведь огромное большинство людей как раз выносит жизнь без особого ропота и, следовательно, *верит* в ценность жизни – и притом именно потому, что каждый ищет и утверждает только себя самого и не выходит за пределы себя, как упомянутые исключения: все внеличное для них совсем незаметно или в крайнем случае заметно лишь как бледная тень. Следовательно, ценность жизни для обыкновенного, повседневного человека основана исключительно на том, что он придает себе большее значение, чем всему миру. Большой недостаток фантазии, которым он страдает, обуславливает то, что он не может вчувствоваться в другие существа и потому принимает в их судьбе и страданиях лишь минимальное участие. *Тот* же, кто действительно способен на участие, должен был бы отчаяться в ценности жизни; если бы ему удалось охватить и ощутить совокупное сознание человечества, он разразился бы проклятием в адрес существования, – ибо человечество в целом не имеет *никаких* целей, следовательно, человек, созерцая жизненный путь, мог бы найти в нем не утешение и поддержку себе, а только отчаяние. Если при всем, что он делает, он видит конечную бесцельность человека, то и его собственная деятельность приобретает в его глазах характер бесплодной траты сил. Сознать же себя в качестве части человечества (а не только в качестве индивида) *расточаемым*, подобно тому как природа на наших глазах расточает отдельные цветки, есть чувство, превышающее все другие. – Но кто способен на него? Конечно, только поэт; поэты же всегда умеют утешиться.

К успокоению. Но не становится ли вся наша философия трагедией? Не становится ли истина враждебной жизни и улучшению? Один вопрос, по-видимому, вертится у нас на языке и все же боится быть услышанным: *можно ли* сознательно пребывать в неправде? или, если это *неизбежно*, то не следует ли тогда предпочесть смерть? Ибо долга более не существует; ведь мораль, поскольку она содержала долг, в такой же мере уничтожена нашим пониманием, как и религия. Познание может сохранить в качестве мотивов только удовольствие и страдание, пользу и вред; но в какое отношение встанут эти мотивы к чувству истины? Ведь и они соприкасаются с заблуждениями (поскольку, как указано, симпатия и антипатия и их весьма несправедливые оценки существенно определяют наше удовольствие и страдание). Вся человеческая жизнь глубоко погружена в неправду; отдельный человек не может извлечь ее из этого колодца, не возненавидя при этом из глубины души своего прошлого, не признавая нелепыми свои нынешние мотивы вроде мотива чести и не встречая насмешкой и презрением тех страстей, которые проталкивают его к будущему и к счастью в будущем. Правда ли, что для нас остается только мирозерцание, которое в качестве личного результата влечет за собой отчаяние и в качестве теоретического результата – философию разрушения? – Я думаю, что в последующем действии познания решающее значение имеет *темперамент* человека: столь же легко, как описанное последующее действие, возможное у отдельных натур, я мог бы себе представить и иное, в силу которого возникла бы более простая и более чистая от аффектов жизнь, чем нынешняя, так что сперва, правда, по старой унаследованной привычке сохранили бы еще силу старые мотивы – более бурные страсти, – но постепенно они становились бы слабее под влиянием очищающего познания.

Темперамент – это индивидуально-своеобразные свойства психики, определяющие динамику психической деятельности человека, которые, одинаково проявляясь в разнообразной деятельности независимо от ее содержания, целей, мотивов, остаются постоянными в зрелом возрасте и во взаимосвязи характеризуют тип темперамента. Согласно учению древнегреческого врача Гиппократ, у людей выделяются четыре типа темперамента: сангвиник, флегматик, холерик и меланхолик. Кстати, Вагнер особенно ценил пылкий *темперамент Ницше*.

Под конец мы стали бы жить среди людей и с самими собой, как среди *природы*, без похвалы, порицания, рвения, наслаждаясь, как зрелищем, многим, чего доселе мы могли только бояться. Мы освободились бы от напыщенности и не ощущали бы подстрекательства мысли, что человек – это не только природа или нечто большее, чем природа. Правда, для этого требуется, как сказано, хороший темперамент, крепкая, кроткая и в основе жизнерадостная душа, настроение, которое не должно было бы остерегаться козней и внезапных взрывов и в своих проявлениях было бы совершенно свободно от ворчащего тона и озлобленности – этих известных неприятных качеств старых собак и людей, которые долго сидели на цепи. Напротив, человек, с которого в такой мере спали обычные цепи жизни, что он продолжает жить лишь для того, чтобы всё лучше познавать, – такой человек должен уметь без зависти и досады отказываться от многого, и даже от всего, что имеет цену для других людей; его должно *удовлетворять*, как самое желанное состояние, такое свободное парение над людьми, обычаями, законами и привычными оценками. Радость от такого состояния он охотно делит с другими, и, быть может, у него нет ничего иного, чем бы он мог поделиться, – что, впрочем, есть еще одно лишение, еще одно лишнее отречение. Если, несмотря на это, от него потребуют большего, то он благожелательно покачает головою, покажет на своего

брата, свободного человека действия, и, быть может, не скроет некоторой насмешки: ибо «свобода» последнего есть дело особое.

Отдел второй

К истории моральных чувств

35

Преимущества психологического наблюдения. Что размышление о человеческом, слишком человеческом – или, как гласит более ученое выражение, психологическое наблюдение – принадлежит к средствам, с помощью которых можно облегчить себе бремя жизни; что упражнение в этом искусстве дарует присутствие духа в трудных положениях и развлечения в скучной среде, – более того, что в самых тернистых и безотрадных полосах своей собственной жизни можно находить поучения и чувствовать себя при этом немного лучше – в это когда-то верили, это знали – в прежние века. Почему это забыло наше столетие, где, по крайней мере в Германии и даже во всей Европе, многие признаки свидетельствуют о бедности психологического наблюдения? Это обнаруживается не в романах, повестях и философских размышлениях, ибо они создаются исключительными людьми; более ясно это в оценке общественных событий и людей; но прежде всего искусство психологического анализа и синтеза отсутствует во всех слоях общества, где много говорят о людях, но совсем не говорят о человеке. Почему же самый богатый и невинный материал для беседы остается неиспользованным? Почему даже не читают больше великих мастеров психологической сентенции? – Ибо, говоря без всякого преувеличения, редко можно найти в Европе образованного человека, который читал бы Ларошфуко и близких ему по духу и искусству; и еще реже можно встретить человека, который знал бы их и не поносил. Но, вероятно, даже и такой необычный читатель получает от них гораздо меньше удовольствия, чем сколько должна была давать ему форма этих художников; ибо даже самый тонкий ум не в состоянии достойно оценить искусство шлифования сентенций, если он сам не воспитан для него и не соперничал в нем. Без такого практического опыта эту лепку и отделку считают более легкой, чем она есть на самом деле: меткость и прелесть изречений не чувствуют достаточно отчетливо. Поэтому нынешние читатели сентенций получают от них сравнительно незначительное удовольствие, почти ничтожную сладость, так что с ними дело обстоит так же, как со средними людьми, рассматривающими камеи: они хвалят там, где не могут любить, и охотно готовы восхищаться, но еще охотнее убегают прочь.

Франсуа де Ларошфуко (1613–1680) – герцог, французский писатель, автор сочинений философско-моралистического характера. Главной книгой, обобщающей жизненный опыт писателя, стала его книга «Максимы и моральные размышления» – сборник афоризмов составляющих «кодекс» житейской философии. После Вагнера и Шопенгауэра своим учителем Ницше считал Ларошфуко.

36

Возражение. Или, может быть, суждению, что психологическое наблюдение принадлежит к усладительным, целебным и облегчающим средствам бытия, можно противопоставить обратное соображение? Может быть, люди достаточно убедились в неприятных последствиях этого искусства и теперь сознательно отклоняют от него взоры тех, кто хочет воспитывать себя? В самом деле, известная слепая вера в благость человеческой природы,

врожденное отвращение к анализу человеческих действий, своего рода стыдливость перед обнаженностью души, быть может, действительно более желательны для общего блага человека, чем это полезное в отдельных случаях свойство психологической дальнорзости; и, быть может, вера в добро, в добродетельных людей и добродетельные поступки, в обилие безличной благожелательности в мире сделала людей лучшими, поскольку она сделала их менее недоверчивыми. Когда с восторгом подражают героям Плутарха и испытывают отвращение к тому, чтобы подозрительно доискиваться истинных мотивов их поступков, то это идет на пользу, правда, не истине, но благополучию человеческого общества: психологическое заблуждение и вообще смутность в этой области помогают прогрессу человечности, тогда как познание истины, быть может, движется вперед благодаря возбудительной силе гипотезы, которую Ларошфуко поставил во главе первого издания своих «Sentences et maximes morales»: «Ce que le monde nomme vertu n'est d'ordinaire qu'un fantôme formé par nos passions, à qui on donne un nom honnête, pour faire impunément ce qu'on veut»⁶. Ларошфуко и другие французские мастера по части испытывания души (к которым недавно присоединился и немец, автор «Psychologische Beobachtungen»⁷) походят на метко целящихся стрелков, которые всегда попадают в черную точку – но в черную точку человеческой природы. Их умелость возбуждает изумление, но под конец зритель, руководствующийся не духом науки, а духом человеколюбия, быть может, проклянет искусство, которое, по-видимому, внедряет в души людей чувства умаления и подозрительности.

Плутарх – древнегреческий писатель и философ, общественный деятель. Наиболее известен как автор труда «Сравнительные жизнеописания», в котором воссоздал образы выдающихся политических деятелей Греции и Рима.

37

Тем не менее. Но как бы ни обстояло дело с балансом актива и пассива, в современном состоянии определенной специальной науки стало необходимым пробуждение морального наблюдения, и человечество не может избежать жестокого зрелища психологической проекторской⁸ с ее скальпелями и щипцами. Ибо здесь повелевает та наука, которая спрашивает о происхождении и истории так называемых моральных чувств и которая в своем дальнейшем развитии должна поставить и разрешить сложные социологические проблемы, – прежняя философия совсем не знала последних и под самыми жалкими предложениями постоянно избегала исследования происхождения и истории моральных чувств.

Каковы были последствия этого – можно теперь обозреть весьма отчетливо, после того как на многих примерах было показано, что заблуждения величайших философов обыкновенно имеют своей исходной точкой неверное объяснение определенных человеческих поступков и чувств – на основе, например, ошибочного анализа так называемых незгоистических поступков строится ложная этика, в угоду последней, в свою очередь, берутся в помощь религия и мифологические чудища, и наконец тени этих темных духов омрачают и физику, и все мирозерцание. Но если установлено, что поверхностность психологического наблюдения ставила и вновь постоянно ставит человеческим суждениям и заключениям опаснейшие сети, то теперь необходима та выдержка в работе, которая не устает соби-

⁶ То, что люди называют добродетелью, – обычно это лишь призрак, созданный их вожделениями и носящий столь высокое имя для того, чтобы они могли безнаказанно следовать своим желаниям (*фр.*).

⁷ «Психологические наблюдения» – произведение Пауля Рэ, вышедшее в свет в 1875 году.

⁸ Трупорезка, анатомичка.

рать камень за камнем и камешек за камешком, – необходимо воздержанное мужество, чтобы не стыдиться такой скромной работы и бороться со всяким пренебрежением к последней. Несомненно, что бесчисленные отдельные замечания о человеческом и слишком человеческом были впервые открыты и высказаны в кругах общества, которые привыкли приносить всякого рода жертвы не научному познанию, а остроумию и желанию нравиться; и благоухание этой старой родины моралистической сентенции – весьма соблазнительное благоухание – почти неразрывно связалось со всем этим родом подобной литературы; так что в свою очередь ученый человек непроизвольно обнаруживает некоторое недоверие к этому роду и к его серьезности. Но достаточно только указать на его плоды: ибо уже теперь начинает обнаруживаться, какие серьезнейшие плоды вырастают на почве психологического наблюдения. Каково основное положение, до которого доходит с помощью своего режущего и рассекающего анализа один из смелейших и холоднейших мыслителей, автор книги «О происхождении моральных чувств»?

Автор этой книги Пауль Рэ (1849–1901) – немецкий писатель и философ-позитивист, друг Ницше, врач. Книга «Der Ursprung der moralischen Empfindungen» вышла в свет в 1877 году.

«Моральный человек, – говорит он, – стоит не ближе к интеллигибельному (метафизическому) миру, чем физический человек». Это положение, ставшее твердым и острым под ударами молота исторического познания, когда-нибудь, в каком-либо отдаленном будущем, послужит, может быть, топором, который подсечет корень «метафизической потребности» людей, – *больше* ли за здоровье, чем за упокой всеобщего блага, – кто бы мог ответить на это? – но во всяком случае как положение, чреватое самыми значительными последствиями, одновременно и страшное, и плодотворное, и смотрящее на мир тем двойным ликом, который присущ всем великим познаниям.

38

В каком смысле полезно. Итак, пусть останется нерешенным вопрос, приносит ли психологическое наблюдение больше пользы или больше вреда для людей; достоверно только то, что оно необходимо, потому что наука не может обойтись без него. Наука же вообще не считается с последними целями, точно так же, как не считается с ними природа; напротив, подобно тому как последняя осуществляет иногда вещи высочайшей целесообразности без всякого сознательного намерения, так и истинная наука, которая *есть подражание природе в понятиях*, будет иногда, а может быть и часто, содействовать пользе и благополучию людей и достигать целесообразного, но также *без сознательного намерения*.

А если кому при дуновении такого мирозерцания повеет холодком на душу, тот, вероятно, несет в себе самом слишком мало огня; стоит лишь ему оглянуться, как он заметит болезни, которым потребны ледяные компрессы, и людей, которые настолько «слеплены» из пламени и духа, что они едва ли могут найти для себя где-либо достаточно холодный и режущий воздух. Больше: подобно тому как слишком серьезные личности и народы имеют потребность в легкомысленных вещах, – подобно тому как другие, слишком подвижные и возбудимые, по временам нуждаются для своего здоровья в гнетущем бремени, – так и *мы, более духовные* люди эпохи, которая явно все более объемлется пламенем, – не должны ли мы хвататься за все средства тушения и охлаждения, какие только существуют, для того чтобы остаться по крайней мере столь же постоянными, скромными и умеренными, каковыми мы были до сих пор, и, таким образом, когда-нибудь пригодиться для того, чтобы служить этой эпохе зеркалом и орудием самосознания? <...>

40

Сверхзверь. Зверь в нас должен быть обманут; мораль есть вынужденная ложь, без которой он растерзал бы нас. Без заблуждений, которые лежат в основе моральных допущений, человек остался бы зверем. Теперь же он признал себя чем-то высшим и поставил над собой строгие законы. Поэтому он ненавидит более близкие к зверству ступени; этим объяснимо господствовавшее некогда презрение к рабу как к нечеловеку, как к вещи.

Ницше считал, что ложь – не порок, ибо все моральные нормы являются не истиной, а заблуждениями. Соответственно, отступление от моральных норм не может быть ложью.

41

Неизменный характер. Что характер неизменен – это в строгом смысле слова неверно; напротив, это излюбленное утверждение означает лишь, что в течение краткой продолжительности жизни человека воздействующие мотивы не могут задевать достаточно глубоко, чтобы стереть запечатлевшиеся черты многих тысячелетий. Но если мы вообразим себе человека восьмидесятитысячелетнего возраста, то в нем мы имели бы даже абсолютно изменчивый характер, так что из него постепенно развивалось бы множество различных индивидов. Краткость человеческой жизни склоняет ко многим ошибочным утверждениям о свойствах человека.

42

Порядок благ и мораль. Принятый некогда порядок ценности благ, смотря по тому, хочет ли того или иного низший, более высокий или высший эгоизм, определяет теперь нравственность или безнравственность стремлений.

«В глазах Ницше симпатические влечения служат признаком слабости, а себялюбие, возведенное в принцип, напротив, – признаком силы. Но по его же учению симпатия представляется лишь выражением утонченного эгоизма слабости; а раз эгоизм может воплощать и силу, и слабость, он не может быть мерилom ценности: один эгоизм не равноценен другому».

Трубецкой Е. «Философия Ницше: критический очерк»

Предпочитать низкое благо более ценному (например, чувственное наслаждение здоровью) считается безнравственным, как и предпочитать благополучие свободе. Но порядок ценности благ непостоянен и неодинаков во все времена; если кто-либо предпочитает месть справедливости, то по мерилу прежней культуры это нравственно, по мерилу нынешней – безнравственно. «Безнравственно» означает, следовательно, что кто-либо еще не ощущает или ощущает еще недостаточно сильно более высокие, тонкие, духовные мотивы, которые приносит каждая новая культура; оно означает отсталость, но подразумеваемое здесь различие – всегда лишь различие в степени. – Сам же порядок ценности благ устанавливается и изменяется не на основании моральных точек зрения; но всякий раз, как он определенным образом установлен, он решает, нравственно ли известное действие или безнравственно.

Ницше заявлял, что мораль – это продукт *безнравственности*. Он писал: «Предрассудок – думать, что нравственность более благоприятствует развитию ума, чем *безнравственность*».

43

Жестокие люди как отсталые. Люди, которые теперь жестоки, должны рассматриваться как сохранившиеся ступени *прежних культур*: горный хребет человечества обнаруживает здесь более глубокие наслоения, которые в других случаях остаются скрытыми. У отсталых людей мозг благодаря всевозможным случайностям в ходе наследования не получил достаточно тонкого и многостороннего развития. Они показывают нам, чем мы все *были*, и пугают нас; но сами они столь же мало ответственные, как кусок гранита за то, что он – гранит. В нашем мозге должны находиться рубцы и извилины, которые соответствуют такому душевному складу, подобно тому как в форме отдельных человеческих органов, говорят, содержатся следы, напоминающие условия жизни рыб. Но эти рубцы и извилины уже не образуют русла, по которому движется поток наших ощущений.

Согласно Ницше, «жестокость бесчувственного человека есть антипод сострадания; жестокость чувствительного – более высокая потенция сострадания». Он морально осуждал сострадание и оправдывал жестокость.

44

Благодарность и месть. Основание, почему могущественный человек склонен к благодарности, состоит в следующем. Его благодетель своим благодеянием как бы незаконно вторгся в сферу могущественного человека и нарушил ее границы; в виде возмездия последний в свою очередь вторгается в сферу благодетеля посредством акта благодарности. Это есть более мягкая форма мести.

Ницше писал: «Гениальный человек невыносим, если не обладает при этом, по крайней мере, еще двумя качествами: чувством *благодарности* и чистоплотностью».

Ницше открыл феномен *Ressentiment* (*фр.* – вторичное переживание). Это вторичное переживание первичных эмоций (воспоминание). Это переосмысление, результатом которого являются ненависть, чувство мести и т. д. Это Ницше считал мотивом морали.

Не получив удовлетворения в благодарности, могущественный человек показал бы себя бессильным и впредь считался бы таковым. Поэтому каждое хорошее общество – а это первоначально всегда означает общество могущественных – ставит благодарность в число первых обязанностей. – Свифт бросил реплику, что люди благодарны в той же мере, в какой они склонны к мести.

Джонатан Свифт (1667–1745) – англо-ирландский писатель-сатирик, публицист, философ, поэт и общественный деятель, англиканский священник.

45

Двойная предыстория добра и зла. Понятие добра и зла имеет двойную предысторию, а именно, *во-первых*, в душе господствующих родов и каст. Кто в состоянии отплачивать добром за добро и злом за зло и кто действительно чинит возмездие, т. е. бывает благодарным и мстительным, тот называется хорошим; кто бессилен и не может совершать возмездия, признается дурным. В качестве хорошего принадлежишь к «хорошим», к общине, которая обладает корпоративным чувством, ибо все члены ее связаны между собою инстинктом возмездия. В качестве дурного принадлежишь к «дурным», к толпе бессильных людей, лишенных корпоративного чувства. Хорошие суть каста, дурные – масса, подобная пыли. Добро и зло означают в течение известного времени то же, что знатность и ничтожность, господин и раб. Напротив, врага не считают дурным: он способен к возмездию. Троянцы и греки у Гомера одинаково хороши.

Не тот, кто причиняет нам вред, а только тот, кто возбуждает презрение, считается дурным. В общине хороших добро наследуется; дурной не может вырасти из столь хорошей почвы. Если тем не менее кто-либо из хороших делает нечто недостойное хорошего, то прибегают к уверткам: вину приписывают, например, Богу, утверждая, что он поразил хорошего слепотой и безумием. – *Во-вторых*, в душе поработанных, бессильных. Здесь всякий *иной* человек считается враждебным, бессовестным, насилующим, жестоким, хитрым, будь он знатного или низкого происхождения. «Злой» есть здесь эпитет каждого человека и даже каждого допускаемого живого существа, например Бога; человеческое, Божественное равносильно дьявольскому, злему. Признаки благодати, сострадания, готовности помочь воспринимаются боязливо, как козни, как преддверие ужасного исхода, как обман и хитрость – словом, как утонченная злоба. При таком настроении личности почти не может возникнуть общение, в лучшем случае возникает грубейшая форма последнего; так что всюду, где господствует это понимание добра и зла, близка гибель отдельных людей, их племен и рас. – Наша современная нравственность выросла на почве *господствующих* родов и каст.

Силен, согласно Ницше, тот, кто со всей энергией, ни перед чем не останавливаясь, проявляет свою жажду могущества. Основными чертами сильного идеального человека Ницше являются злоба и *утонченная жестокость*.

46

Сострадание сильнее страдания. Бывают случаи, когда сострадание сильнее, чем настоящее страдание. Мы ощущаем, например, более болезненно, когда кто-либо из наших друзей провинится в чем-нибудь позорном, чем когда это случается с нами самими. Дело в том, что, прежде всего, мы больше верим в чистоту его характера, чем он сам; далее, наша любовь к нему, вероятно именно в силу этой веры, сильнее, чем его собственная любовь к себе. Хотя его эгоизм действительно страдает при этом больше, чем наш эгоизм, но зато неэгоистическое в нас – это слово никогда не следует понимать в строгом смысле, а всегда лишь как условное облегчение термина – все же затрагивается его виной сильнее, чем неэгоистическое в нем.

Согласно Ницше, сострадание – это слабость, предосудительная слабость. Сострадание – не добродетель, и мысль о страдании ближнего должна быть побеждена точно так же, как и мысль о собственном страдании.

47

Ипохондрия. Существуют люди, которые из сочувствия и заботы о другом человеке становятся ипохондриками; возникающий при этом род сострадания есть не что иное, как болезнь. Так существует и христианская ипохондрия, которая одолевает тех одиноких, движимых религиозным чувством людей, которые постоянно мысленно созерцают страдания и смерть Христа.

Ипохондрия – состояние человека, проявляющееся в постоянном беспокойстве по поводу возможности заболеть одной или несколькими соматическими болезнями, жалобах или озабоченности своим физическим здоровьем, восприятии своих обычных ощущений как ненормальных и неприятных, предположениях, что кроме основного заболевания есть какое-то дополнительное. При этом человек может считать, что знает, какое у него «на самом деле» заболевание, но степень его убежденности обычно раз от раза меняется, и он считает более вероятным то одно заболевание, то другое.

48

Экономия доброты. Доброта и любовь, как целебнейшие травы и силы в общении между людьми, суть столь драгоценные находки, что хотелось бы пожелать, чтобы при употреблении этих бальзамических средств люди были как можно более экономны; но это невозможно. Экономия доброты есть мечта самых дерзостных утопистов.

Ницше была ненавистна буржуазия, но не в качестве эксплуататорского класса, а в качестве мещанства, заинтересованного в сокрытии истины об инстинкте власти как об истинной «пружине» всей человеческой истории. Доброта, справедливость, сострадание – все это категории мещанской «надстройки», прячущей базисные принципы бытия, связанные с первозданными стихиями, не подвластными христианской морали.

49

Благожелательность. К незначительным, но бесконечно частым и потому весьма влиятельным вещам, на которые наука должна обращать больше внимания, чем на крупные, но редкие вещи, следует причислить и благожелательность; я разумею проявления дружеского расположения в общении, улыбку глаз, рукопожатие, теплоту, которые обыкновенно вплетаются почти во все человеческие действия. Каждый учитель, каждый чиновник приносит эту добавку к тому, что является его обязанностью; это есть непрерывное осуществление человечности, как бы волны ее света, под которыми все растет; в особенности в узких кругах, в пределах семьи, жизнь зеленеет и цветет в силу этой благожелательности. Добродушие, приветливость, сердечная вежливость суть неиссякающие ручьи неэгоистического инстинкта и оказали гораздо более сильное влияние на рост культуры, чем более прославленные обнаружения того же инстинкта, которые зовутся состраданием, милосердием и самопожертвованием. Но ими по обыкновению пренебрегают, и действительно – в них содержится не особенно много неэгоистического. Тем не менее *сумма* этих маленьких доз огромна; их совокупная сила принадлежит к числу самых могущественных сил. – Точно так же в мире находится гораздо больше счастья, чем это видят мутные глаза: именно, если уметь пра-

вильно считать и не забывать о всех тех моментах небольшой радости, которыми богат каждый день каждой, даже самой угнетенной, человеческой жизни.

Ницше говорил о моральном инстинкте повиновения, способствовавшем культивированию в Европе стадного типа человека, считающего себя единственно возможным типом человека вообще. Он перечислял присущие этому типу моральные добродетели, которые и делают его смирным, уживчивым и полезным стаду, это – дух общности, благожелательность, почтительность, прилежание, умеренность, скромность, снисходительность, сострадание и т. п. С другой стороны, то, что, согласно Ницше, возвышает отдельную личность над стадом, – это великий независимый дух, желание оставаться одиноким, чувство собственного достоинства, великий разум и т. п.

50

Потребность возбуждать сострадание. Ларошфуко, несомненно, прав в том замечательном месте своего автопортрета (напечатанного впервые в 1658 году), где он предостерегает всех имеющих разум от сострадания и советует предоставить его людям из народа, которые не руководятся разумом и которых поэтому только страсть может заставить помогать страждущему и энергично бороться с несчастьем; тогда как сострадание, по мнению его (и Платона), обессиливает душу.

Платон – древнегреческий философ, ученик Сократа, учитель Аристотеля, первый философ, чьи сочинения дошли до нас не в кратких отрывках, цитируемых другими, а полностью.

Конечно, следует *обнаруживать* сострадание, но остерегаться иметь его; ибо несчастные так уж *глупы*, что для них знаки сострадания составляют величайшее благо в мире. – Быть может, придется еще сильнее предостеречь от чувства сострадания, если понять указанную потребность несчастных не непременно как глупость и интеллектуальный недостаток, не как некоторого рода душевное расстройство, вызванное несчастьем, – так именно, по-видимому, понимает его Ларошфуко, – а как нечто совсем иное и более подозрительное. Наблюдайте детей, которые плачут и кричат *для того*, чтобы вызвать сострадание, и поэтому выжидают момента, когда их состояние может броситься в глаза; поживите в обществе больных и душевно подавленных и спросите себя, не преследуют ли, в сущности, эти красноречивые жалобы и стенания, это выставление напоказ несчастья цели *причинить боль* присутствующим? Сострадание, которое затем выказывают последние, есть для слабых и страдающих утешение в том смысле, что оно показывает им, что, несмотря на всю их слабость, у них по крайней мере есть еще *одна сила* – *причинять боль*. Несчастный получает своеобразное удовольствие от этого чувства превосходства, которое возбуждает в нем проявление сострадания; его воображение усиливается – он все еще достаточно значителен, чтобы причинять миру страдания. Таким образом, жажда вызывать сострадание есть жажда наслаждения самим собою, и притом на счет ближних; она обнаруживает человека во всей бесцеремонности его собственного милого *Я*, а отнюдь не в его «глупости», как полагает Ларошфуко. – В светских беседах три четверти всех вопросов и ответов направлены на то, чтобы причинить собеседнику маленькую боль; поэтому так много людей жаждут общества: оно дает им сознание их силы. Злоба, проявляясь в таких бесчисленных, но очень небольших дозах, есть могущественное возбуждательное средство жизни – точно так же как благожелательность, распространенная в мире людей в таких же формах, есть повсеместное целебное

средство. – Но много ли найдется людей, которые будут иметь честность сознаться, что причинять боль доставляет удовольствие? что люди нередко развлекаются – и хорошо развлекаются, – причиняя огорчение другим людям, хотя бы мысленно, и стреляя в них дробью мелкой злобы? Большинство людей слишком нечестны и немногие – слишком добры, чтобы знать что-либо об этом *puddendum*⁹; пусть же они, если хотят, отрицают правоту Проспера Мериме, который говорит: «*Sachez aussi qu'il n'y a rien de plus commun que de faire le mal pour le plaisir de le faire*»¹⁰.

Проспер Мериме (1803–1870) – французский писатель и переводчик, один из первых во Франции мастеров новеллы. Цитата, приводимая Ницше, взята из «Писем к незнакомке».

51

Как видимость становится реальностью. Актер в конце концов уже не может перестать думать о впечатлении от своей личности и об общем сценическом эффекте даже при самом глубоком страдании – например, при погребении своего ребенка; он будет плакать над собственным горем и его проявлениями, как если бы он был зрителем самого себя. Лицемер, который постоянно играет одну и ту же роль, под конец перестает быть лицемером – например, священники, которые обыкновенно в молодости бывают сознательно или бессознательно лицемерами, в конце концов становятся естественными и делаются тогда именно подлинными священниками, без всякой аффектации; или если этого еще не может достигнуть отец, то, вероятно, достигает сын, которому удастся использовать успехи отца и унаследовать его привычку. Когда кто-либо долго и упорно хочет *казаться* чем-нибудь, то в результате ему уже трудно быть чем-либо другим. Профессия почти каждого человека, даже художника, начинается с лицемерия, с внешнего подражания, с копирования эффектов. Тот, кто всегда носит на лице маску приветливости, должен в конце концов приобрести власть над благожелательным настроением, без которого нельзя достигнуть выражения приветливости, – и в результате это настроение в свою очередь овладевает им – он действительно *становится* благожелательным.

52

Момент честности в обмане. У всех великих обманщиков можно подметить одно явление, которому они обязаны своим могуществом. Во время самого акта обмана, под впечатлением всякого рода подготовлений, таинственности голоса, выражения лица, жестов, среди эффективнейшей декорации, ими овладевает *вера в себя самих*; и именно эта вера так чудесно и убедительно действует потом на окружающих. Основатели религий отличаются от этих великих обманщиков тем, что они не выходят из такого состояния самообмана; или же у них лишь изредка бывают светлые промежутки, когда ими овладевают сомнения; но обыкновенно они утешаются тем, что приписывают эти светлые промежутки действию злых и враждебных сил. Самообман должен быть налицо, чтобы как первые, так и последние производили грандиозное *действие*. Ибо люди верят в истинность всего, что явственно служит предметом сильной веры.

⁹ Женская половая область (*лат.*). В данном случае – непристойность.

¹⁰ Знайте, что нет ничего более обычного, чем делать зло из удовольствия делать его (*фр.*).

Раскрытие самообмана – вечная тема Ницше. Ложь, согласно Ницше, необходима и составляет важное условие жизни. Человеку в «неразумном мире» нужны иллюзии и самообман. Слабым они позволяют переносить груз жизни, для сильных являются средством утверждения воли к власти. В любви к ближнему Ницше видел лицемерие или самообман.

53

Мнимые ступени истины. Одно из обычных ошибочных умозаключений состоит в следующем: так как кто-либо правдив и искренен в отношении нас, то он говорит правду. Так, дитя верит в суждения своих родителей, христианин – в утверждения основателя церкви. Точно так же не хотят допустить, чтобы все, что люди защищали в прежние века, жертвуя своим счастьем и жизнью, было только заблуждением; вместо этого иногда говорят, что это были ступени истины. Но, в сущности, полагают, что когда человек честно верил во что-либо, боролся и умер за свою веру, было бы слишком *несправедливо*, если бы его одушевляло, собственно, только заблуждение. Такое явление представляется противоречащим вечной справедливости; поэтому сердце чувствующего человека всегда утверждает против его головы следующее положение: между моральными действиями и интеллектуальными познаниями всегда должна иметься необходимая связь. К сожалению, дело обстоит иначе: ибо вечной справедливости не существует.

По этому поводу Ганс Файхингер замечал, что «обыкновенные доводы для Ницше не годятся; интеллект он вообще ставит не слишком высоко. Наоборот, интеллект он ценит меньше воли: в умственном просвещении видит опасность для энергии инстинктивной воли. Одним словом, Ницше – антиинтеллектуалист... В чрезмерно высокой оценке интеллекта и в низкой оценке воли он видит главный источник нынешнего упадка. Эта тенденция доходит иногда у Ницше до антилогического презрения к науке, до полного пренебрежения логикой, до скептического издевательства над стремлением к “истине”».

54

Ложь. Почему в большинстве случаев люди в ежедневной жизни говорят правду? Во всяком случае, не потому, что Бог запретил лгать. Но, во-первых, потому, что это удобнее: ибо ложь требует изобретения, памяти и умения обманывать. (Поэтому Свифт утверждает: кто лжет, тот редко замечает, что берет на себя тяжелое бремя, а именно, чтобы поддерживать одну ложь, он должен выдумывать двадцать других.) Далее – потому, что в простых отношениях выгоднее прямо сказать: я хочу того-то, я сделал то-то и т. п.; стало быть, потому, что путь принуждения и авторитета вернее, чем путь хитрости. – Но если ребенок вырос в сложных семейных условиях, то он столь же естественно пользуется ложью и произвольно говорит всегда то, что соответствует его интересам; чувство истины, отвращение ко лжи само по себе ему совершенно чуждо и недоступно, и потому он лжет с полной невинностью. <...>

Ницше определял истину как полезную ложь. Он смеялся над «простаками», следующими морали, которая боится сделать открыто ложь своим основным принципом.

56

Победа познания над радикально злым. Тому, кто хочет стать мудрым, приносит большую пользу, если он некогда в течение известного времени разделял представление о коренной злобе и испорченности человека; это представление ложно, как и обратное; но в продолжение целых эпох оно обладало господством, и корни его оставили свои разветвления в нас и в нашем мире. Чтобы понять *нас*, надо понять *его*; но чтобы затем подняться выше, мы должны перешагнуть через него. Тогда мы познаем, что не существует греха в метафизическом смысле, но что в том же смысле не существует и добродетели; что вся эта область нравственных представлений находится в постоянном колебании и что существуют более высокие и более глубокие понятия о добре и зле, о нравственном и безнравственном. Кто не хочет от вещей ничего, кроме их познания, тот легко приобретает душевный покой и будет ошибаться (или грешить, как это называет мир) разве из неведения, но вряд ли из-за своих вожелений. Он не будет уже склонен ужасаться вожелений и истреблять их; но его единственная, вполне владеющая им цель – всегда как можно лучше *познавать* – сделает его холодным и смягчит всю дикость его задатков. Кроме того, он освободился от множества мучительных представлений, он уже ничего не ощущает при словах «наказание ада», «греховность», «неспособность к добру», он узнаёт в них лишь туманные тени ложных миров и жизнепониманий.

57

Мораль как саморазделение человека. Хороший автор, который действительно сердечно заинтересован в своем деле, желает, чтобы пришел кто-нибудь и уничтожил его самого тем, что он яснее изложит ту же тему и без остатка разрешит все содержащиеся в ней вопросы. Любящая девушка желает, чтобы самоотверженная верность ее любви могла быть испытана на неверности ее возлюбленного. Солдат ради победы своего отечества хочет умереть на поле битвы: ибо в победе отечества торжествуют победу его высшие желания. Мать отдает ребенку то, что она отнимает от самой себя: сон, лучшую пищу, а при случае свое здоровье и имущество. – Но есть ли все это неэгоистические состояния? Являются ли эти деяния моральности *чудесами*, ибо, по выражению Шопенгауэра, «они невозможны и все же действительны»? Не ясно ли, что во всех этих случаях человек любит *некоторую часть себя самого*, – свою мысль, свое желание, свое создание – более, чем *некоторую другую часть себя*, т. е. что он разделяет свое существо и приносит в жертву одной его части другую? Есть ли во всем этом что-либо *существенно* отличное, например, от поведения упрямого, который говорит: «Пусть лучше меня на месте застрелят, чем мне хоть на шаг уступить этому человеку»? – *Склонность к чему-либо* (желание, влечение, потребность) присутствует во всех указанных случаях; отдаваться ей, каковы бы ни были последствия, во всяком случае не «неэгоистично». – В морали человек является себе самому не как *individuum*, а как *dividuum*.

Индивидуум – особь, жизненная единица, самостоятельная в морфологическом и физиологическом отношениях. Индивидуум – это личность, неделимая сущность, ибо личность неразложима на более простые составляющие.

В последнее время неделимый в качествах и свойствах индивидуум начал уступать место дивидууму. Человек цельный уходит прочь, и на его место приходит дивидуум, человек многоликий. Это своего рода

шизофрения, когда в одном теле легко могут уживаться несколько личностей. А в будущем люди все меньше будут цельными существами: каждый скорее будет похож на множество личностей, то есть на дивидуум.

58

Что можно обещать. Можно обещать действия, но никак не чувства: ибо последние произвольны. Кто обещает кому-либо всегда любить его, или всегда ненавидеть, или оставаться всегда верным, тот обещает нечто, что не находится в его власти; но конечно, он может обещать такие действия, которые хотя обычно являются следствиями любви, ненависти, верности, но могут проистекать и из других мотивов: ибо к одному и тому же действию ведут многие пути и мотивы. Обещание всегда любить кого-либо означает, следовательно: пока я буду любить тебя, я буду проявлять в отношении тебя действия любви; а когда я уже не буду тебя любить, ты по-прежнему будешь получать от меня те же действия, хотя и обусловленные иными мотивами, – так что в головах ближних сохранится видимость, будто любовь осталась неизменной. – Следовательно, когда без самоослепления обещают кому-либо вечную любовь, то обещают, собственно, длительность видимости любви.

Ницше утверждал, что одной из первых задач является создание людей, наделенных правом давать обещания. Он писал: «Когда дается обещание, то им бывает не слово, которое обещает, а то невысказанное, что стоит позади слова».

59

Интеллект и мораль. Нужно иметь хорошую память, чтобы иметь возможность исполнять данные обещания. Нужно иметь много силы воображения, чтобы уметь испытывать сострадание. Столь тесно связана мораль с качествами интеллекта.

Прагматическая тенденция философии *Ницше* сказывалась на его понимании *интеллекта*, который «не познает, а схематизирует» мир в той мере, в какой это необходимо для практических потребностей.

60

Мсть и жажда мести. Питать мысль о мести и осуществить ее – значит испытать сильный припадок лихорадки, который, однако, проходит; но питать мысль о мести, не имея силы и мужества выполнить ее, – значит носить в себе хроническую болезнь, отравление души и тела. Мораль, которая смотрит только на намерения, оценивает оба случая одинаково; обыкновенно же первый случай признают худшим (ввиду дурных последствий, которые может повлечь за собой осуществление мести). Обе оценки близоруки.

Ницше как-то признался: «Учение о мести красной нитью справедливости прошло через все мои труды и старания». Он писал: «Мсть более человечна, чем отсутствие всякой мести».

61

Уметь ждать. Уметь ждать так трудно, что величайшие поэты считали возможным избрать неумение ждать мотивом своих творений. Так, Шекспир в Отелло, Софокл в Аяксе.

Аякс Теламонид – греческий герой, участвовавший в осаде Трои. Был прозван Великим. После гибели Ахилла спорил за право владеть его доспехами и оружием с Одиссеем. После того как доспехи и оружие передали Одиссею, Аякс впал в безумие и покончил с собой.

Если бы Аякс мог в течение только одного дня охладить свое чувство, то его самоубийство, по-видимому, оказалось бы ненужным, на что указывает изречение оракула; вероятно, он мог бы посмеяться над ужасными внушениями оскорбленного тщеславия и сказать самому себе: «Кто не принимал, подобно мне, овцу за героя? Разве в этом есть что-нибудь чудовищное? Напротив, это есть лишь нечто общечеловеческое!» Так мог бы утешить себя Аякс. Но страсть не хочет ждать; трагическое в жизни великих людей состоит часто не в конфликте с временем и с низостью их близких, а в их неспособности отложить свое дело на год или два; они не могут ждать. – Во всех дуэлях увещающие друзья должны установить одно: могут ли еще ждать заинтересованные лица. Если нет, то дуэль разумна, поскольку каждый из обоих участников говорит себе: «Либо я буду еще жить, тогда он должен тотчас же умереть, либо наоборот». Ждать значило бы в таком случае продолжать страдать от ужасной пытки оскорбленной чести на глазах ее оскорбителей; а это именно может быть большим страданием, чем какого вообще стоит жизнь. <...>

64

Вспыльчивый. Человека, который способен вспылить против нас, надо остерегаться, как человека, который когда-либо угрожал нашей жизни: ибо то, *что* мы еще живы, объясняется только тем, что у него не было возможности убить нас; если бы взор убивал, мы уже давно погибли бы. Принудить кого-либо к молчанию через проявление физической дикости и возбуждение страха – это признак первобытной культуры. – Точно так же тот холодный взор, которым знатные смотрят на своих подчиненных, есть остаток кастовых разграничений между людьми, частица грубой древности. Женщины, хранительницы старого, вернее сохранили и этот survival¹¹.

Ницше писал: «У раздражительных и вспыльчивых людей первые слова и действия большей частью не имеют никакого значения для их настоящего характера».

65

До чего может довести честность. Некто имел дурную привычку при случае вполне откровенно высказываться о мотивах своего поведения, которые были не лучше и не хуже, чем мотивы всех людей. Сначала он шокировал, затем возбудил подозрение, постепенно был объявлен вне закона и лишен общественного уважения, пока наконец правосудие не обратило внимания на такое отверженное существо при обстоятельствах, которые оно в других случаях игнорировало или на которые закрывало глаза. Нехватка молчаливости в отноше-

¹¹ Пережиток (лат.).

нии всеобщей тайны и безответственное влечение видеть то, чего никто не хочет видеть, – себя самого – привели его к тюрьме и преждевременной смерти.

66

Что наказуемо, но никогда не наказывается. Наше преступление против преступников состоит в том, что мы относимся к ним как к негодяям. <...>

У Е. Трубецкого в очерке «Философия Ницше» можно найти следующее объяснение этой фразы: «В глазах Ницше добрый человек есть декадент... С его точки зрения, сила человека проявляется не в добре, а во зле, в способности противостоять общепринятому, “преступать” вековые обычаи. Всякий великий человек, который вносит что-нибудь новое в жизнь, непременно “преступает” старый закон, следовательно, является преступником, но преступником в великом, а не в жалком стиле. Преступник прежде всего – тип сильного человека, а потому он – самый ценный человеческий тип. Если он не раскаивается, не оплакивает своего деяния в угоду ходячей морали, то это служит признаком его душевного здоровья».

По мнению Ницше, тот, кого люди обыкновенно называют «преступником», представляет собою тип сильного человека, попавшего в неблагоприятные условия. Типичный пример – Наполеон. Это сильный человек, который взял верх над обществом, а посему он не преступник, а великий человек. Точно так же Ницше преклонялся перед величайшим извергом эпохи Возрождения – знаменитым герцогом Чезаре Борджиа. Известно, что этот человек озаменовал свое правление настоящей оргией жестокости: он терроризировал своих подданных массовыми казнями, убивал не только опасных для него людей, но и их детей, чтобы некому было за них мстить... И вот этого-то злодея Ницше называл «великим виртуозом жизни».

68

Моральность и успех. Не только зрители какого-либо действия часто измеряют его нравственность или безнравственность успехом; нет, так поступает и сам деятель. Ибо мотивы и намерения редко вполне ясны и просты, и иногда сама память как бы затемняется успехом деяния, так что сам деятель подводит под свой поступок ложные мотивы или считает несущественные мотивы существенными. Успех часто придает действию вполне честный блеск чистой совести, неудача налагает на самое достойное действие тень угрызений совести. Этим объясняется общеизвестный способ действий политика, который думает: «Дайте мне только успех; с его помощью я привлеку на свою сторону всех честных людей – и оправдаю себя в своих собственных глазах». – Сходным образом успех дает мнимую замену лучшему обоснованию. Еще теперь многие образованные люди полагают, что победа христианства над греческой философией есть доказательство большей истинности первого, – хотя в этом случае лишь более грубое и насильственное одержало победу над более тонким и духовным. Как дело обстоит с этой большей истиной, можно усмотреть из того, что пробуждающиеся науки шаг за шагом примыкают к философии Эпикура и шаг за шагом отвергают христианство.

Ницше считал, что «успех всегда был величайшим лжецом», что «все великие люди замаскированы своими созданиями до неузнаваемости». Ницше утверждал: «Если война кончается успехом, то хвалят ее зачинщика. Всегда ищут вину там, где есть неуспех». При этом он был уверен, что «величие не должно зависеть от успеха». Он приводил пример Демосфена, который завоевал величие, хотя он и не имел успеха.

По поводу взглядов Ницше к христианству хорошо высказался Г. Файхингер: «Христианство поучает состраданию, любви, самоутверждению до аскетизма... учит заботиться о бедных и больных, о слабых и страждущих. Оно не признает права сильного, а, наоборот, провозглашает лишь право на внимание и сострадание. Поэтому Ницше совершенно естественно должен был увидеть в христианстве корень всего культурного упадка. Где торжествует христианство, там торжествует и масса слабых рабов над немногими сильными, которых природа предназначила быть владыками массы. В этом смысле Ницше называет христианство “рабским восстанием морали” и старается исторически доказать, что христианство было, прежде всего, принято и распространено рабами».

Эпикур – древнегреческий философ, основатель эпикуреизма (эпикуреизма) в Афинах. Главную цель философии он видел в том, чтобы научить человека счастливой жизни, ибо все остальное несущественно.

69

Любовь и справедливость. Почему так чрезмерно ценят любовь в ущерб справедливости и говорят о ней прекраснейшие вещи, как будто она есть нечто гораздо более высокое, чем последняя? Разве она не явно глупее последней? – Конечно, но именно потому она и гораздо более *приятна* для всех. Она глупа и обладает богатым рогом изобилия; из него она раздает свои блага всякому, даже если он их не заслуживает и даже если он и не благодарен за них. Она беспристрастна, как дождь, который, согласно Библии и опыту, промочит до нитки не только несправедливого, но при случае и праведного.

Ницше давал высокую оценку стремлению к справедливости: «Поистине, никто не имеет больших прав на наше уважение, чем тот, кто хочет и может быть справедливым. Ибо в справедливости совмещаются и скрываются высшие и редчайшие добродетели». С другой стороны, он писал: «Если справедливый человек остается справедливым к человеку, причинившему ему вред, то ему не так-то легко верить. Даже у порядочных людей наблюдается малая доза посягательства, злости». И еще Ницше был уверен: «Люди не равны – так говорит справедливость».

70

Смертная казнь. Отчего всякая смертная казнь оскорбляет нас больше, чем убийство? Это объясняется холодностью судьи, мучительным приготовлением, сознанием, что здесь человек употребляется как средство, чтобы утешить других. Ибо вина не наказывается,

даже если бы вообще существовала вина: она лежит на воспитателях, родителях, на окружающей среде, на нас самих, а не на преступнике, – я имею в виду побудительные причины.

71

Надежда. Пандора принесла ларец с бедствиями и открыла его. То был подарок богов людям, по внешности прекрасный, соблазнительный дар, называвшийся «ларцом счастья». И вот из него вылетели все бедствия, живые крылатые существа; с тех пор они кружат вокруг нас и денно и ночью причиняют людям вред. Одно зло еще не успело выскользнуть из ларца, как Пандора по воле Зевса захлопнула крышку, и оно осталось там. Отныне у человека в доме навеки есть ларец счастья, и он мнит, что в нем обладает каким-то необычайным сокровищем; оно всегда к его услугам, и он пользуется им когда захочет, ибо он не знает, что этот ларец, принесенный Пандорой, был ларцом зла, и считает оставшееся зло за величайшее благо и счастье – это и есть надежда. – А именно, Зевс хотел, чтобы человек, сколько бы его ни мучили иные бедствия, не бросал жизни, а всегда вновь давал бы себя мучить. Для этого он дал человеку надежду: она в действительности есть худшее из зол, ибо удлиняет мучение людей. <...>

Пандора – в древнегреческой мифологии женщина, созданная по велению Зевса в наказание людям за похищение для них Прометеем огня. Любопытная, она открыла полученный от Зевса сосуд (ящик Пандоры), из которого тут же по миру разлетелись все несчастья и бедствия, а под захлопнутой крышкой осталась на дне одна надежда. В наше время стала крылатой фраза «Открыть ларец Пандоры», что означает совершить действие с необратимыми последствиями (обычно негативными).

Зевс – в древнегреческой мифологии бог неба, грома и молний, ведающий всем миром. Главный из богов-олимпийцев. Брат Аида, Гестии, Деметры и Посейдона. Жена Зевса – богиня Гера. В римской мифологии отождествлялся с Юпитером.

75

Недоразумение относительно добродетели. Кто изведал безнравственное в соединении с наслаждением – как человек, имевший сластолюбивую юность, – тот воображает, что добродетель должна быть связана со страданием. Кого, напротив, сильно терзали его страсти и пороки, тот мечтает найти в добродетели покой и душевное счастье. Поэтому возможно, что два добродетельных человека совсем не понимают друг друга.

Ницше писал: «Возлюби ближнего своего – это значит прежде всего: оставь ближнего своего в покое! – И как раз эта деталь добродетели связана с наибольшими трудностями». А еще он был уверен, что бюргерские (то есть обывательские) и рыцарские добродетели «не понимают друг друга и чернят друг друга».

77

Честь, перенесенная с лица на дело. Люди почитают вообще действия любви и самопожертвования в пользу ближнего во всяком их проявлении. Этим повышается оценка

вещей, которые пользуются такого рода любовью или ради которых люди жертвуют собой, хотя сами по себе они, быть может, и не стоят многого. Храброе войско убеждает нас в пользу дела, за которое оно борется.

78

Честолюбие как суррогат нравственного чувства. Нравственное чувство не должно отсутствовать в людях, которые лишены честолюбия. Честолюбивые же обходятся и без него почти с тем же успехом. – Поэтому дети скромных, не склонных к честолюбию семей, раз потеряв нравственное чувство, обыкновенно быстро вырождаются в законченных подлецов.

Ницше был готов возвеличить честолюбие и себялюбие лишь потому, что они говорят о силе и дерзании. О себе он говорил: «Если бы существовали боги, как вынес бы я, что я не бог. Следовательно, нет богов!»

79

Тщеславие обогащает. Как беден был бы человеческий дух без тщеславия! Теперь же он подобен изобилующему товарам и постоянно пополняющемуся магазину, который привлекает покупателей всякого рода: почти всё они могут найти в нем и получить, если только приносят с собой ходячую монету (восхищение). <...>

82

Кожа души. Подобно тому как кости, мускулы, внутренности и кровеносные сосуды окружены кожей, которая делает выносимым вид человека, так и побуждения и страсти души прикрыты тщеславием: оно есть кожа души.

83

Сон добродетели. Когда добродетель выпитая, она встает более свежей.

84

Тонкость стыда. Люди не стыдятся думать что-нибудь грязное, но стыдятся, когда предполагают, что им приписывают эти грязные мысли.

Ницше презирал человека. Он заявлял, что «человек есть *стыд* и позор, и он должен быть преодолен». Он писал: «*Стыд, стыд, стыд* – вот история человека!» Для Ницше человек – лишь переход к новой расе сверхчеловека. Он утверждал: «Что такое обезьяна? Для человека – это *стыд* и жалкое уродство. Таковым же и человек будет для сверхчеловека».

85

Злоба редка. Большинство людей слишком заняты самими собой, чтобы быть злобными.

86

Препятствование самоубийству. Существует право, по которому мы можем отнять у человека жизнь, но нет права, по которому мы могли бы отнять у него смерть; это есть только жестокость.

87

Тщеславие. Нам важно хорошее мнение людей, во-первых, потому, что оно нам полезно, и, во-вторых, потому, что мы хотим доставить им радость (дети – родителям, ученики – учителям и благожелательные люди – вообще всем остальным людям). Лишь там, где кому-либо важно хорошее мнение людей независимо от пользы или от его желания доставить радость, мы говорим о тщеславии. В этом случае человек хочет доставить радость самому себе, но за счет других людей, либо склоняя последних к ложному мнению о себе, либо даже рассчитывая на такую степень «хорошего мнения», при которой оно должно стать в тягость всем остальным (посредством возбуждения зависти). Отдельный человек обыкновенно хочет подтвердить мнением других мнение, которое он имеет о себе, и укрепить его в своих собственных глазах; но могущественная привычка к авторитету – привычка, которая так же стара, как человек, – заставляет многих основывать собственную веру в себя на авторитете, т. е. получать ее лишь из чужих рук: они доверяют суждению других больше, чем собственному суждению. – Интерес к самому себе, желание доставить себе удовольствие достигают у тщеславного такой высоты, что он склоняет других к ложной, преувеличенной оценке себя самого и затем все-таки опирается на чужой авторитет, т. е. он вводит в заблуждение и все же сам верит в него. – Итак, нужно признаться, что тщеславные люди хотят нравиться не столько другим, сколько самим себе, и что они заходят в этом так далеко, что даже пренебрегают своими выгодами: ибо им часто важно сделать своих ближних неблагосклонными, враждебными, завистливыми, т. е. настроить их на невыгодный для себя лад, только чтобы иметь радость и наслаждение от самих себя.

88

Moralité larmoyante¹². Сколько удовольствия доставляет нравственность! Подумайте только о том море приятных слез, которое уже текло при рассказах о благородных, великодушных поступках! – Эта прелесть жизни исчезла бы, если бы распространилась вера в полную безответственность.

89

Происхождение справедливости. Справедливость (правомерность) возникает первоначально среди приблизительно *одинаково могущественных*, как это правильно понял Фукидид (в ужасном разговоре афинских и мелосских послов); где нет точно различимого превосходства в силе и борьба привела бы к бесплодному обоюдному вреду, там возникает мысль о соглашении и об обсуждении взаимных притязаний: первоначальный характер справедливости есть характер *обмена*.

¹² Слезливая нравственность (фр.).

Фукидид – крупнейший древнегреческий историк, основатель исторической науки, автор «Истории Пелопоннесской войны».

В начале Пелопоннесской войны, в 431 году до н. э., Мелос (один из Кикладских островов) не присоединился к Афинам. Мелосцы, потомки спартанских колонистов, пытались сохранять нейтралитет в конфликте, но афинская агрессия вынудила их вступить в войну.

Каждый удовлетворяет другого тем, что каждый получает то, что он больше ценит, чем другой. Каждому дают то, что он хочет иметь, как принадлежащее отныне ему, и получают взамен желаемое. Справедливость есть, следовательно, воздаяние и обмен при условии прилизительного равенства сил; так, первоначально месть принадлежит к области справедливости, она есть обмен. Так же и благодарность. – Справедливость естественно сводится к точке зрения рассудительного самосохранения, т. е. к следующему эгоистическому соображению: «Зачем я буду бесполезно вредить себе и при этом все же, быть может, не достигну своей цели?» – Таково *происхождение* справедливости. <...>

90

Право слабейшего. Когда кто-либо подчиняется более могущественному противнику, выговаривая при этом условия (например, осажденный город), то это основано на том, что в противном случае можно уничтожить себя, сжечь город и тем причинить могущественному большой ущерб. Поэтому здесь возникает некоторого рода *равенство положения*, на почве которого могут быть установлены права. Противник имеет выгоду от нашего сохранения. – В этом смысле существуют права в отношениях между рабами и господами, именно в той мере, в какой владение рабами полезно и важно господину. *Право* первоначально *совпадает* со случаем, когда кто-либо *кажется* другому ценным, важным, необходимым, непобедимым и т. п. В этом отношении и слабейший имеет еще права, но меньшие. Отсюда знаменитое *unusquisque tantum juris habet, quantum potentia valet* (или точнее: *quantum potentia valere creditor*). <...>

Ницше взял знаменитое высказывание Спинозы «*unusquisque tantum juris habet, quantum potentia valet*» (каждый имеет право в силу значительности своей силы) и заменил его на «*quantum potentia valere creditor*» (сколь значительным кажется по своей силе). Этим изменением Ницше, скорее всего, хотел сказать, что право не имеет прямой зависимости от силы, как утверждал Спиноза. Ницше считал, что каждый человек имеет столько прав, сколько он берет в кредит у силы.

91

Мораль зрелой личности. До сих пор подлинным признаком морального действия считалась его безличность; и доказано, что мотивом, по которому хвалили и одобряли безличные действия, была вначале их связь с общей пользой. Не предстоит ли существенное изменение этих взглядов теперь, когда всё лучше начинают понимать, что именно наиболее *личные* мотивы полезнее всего и для общего блага; так что именно строго личное поведение соответствует современному понятию моральности (как общепользности)? Создать из себя цельную *личность* и во всем, что делаешь, иметь в виду ее *высшее благо* – это дает больше, чем сострадательные побуждения и действия ради других. Правда, все мы еще страдаем от

недостаточного внимания к личному в нас, оно плохо развито – признаемся в этом; наше чувство, напротив, насильно отвлекли от него и отдали в жертву государству, науке, всему нуждающемуся, как будто это личное было чем-то дурным, что должно быть принесено в жертву. Теперь мы тоже хотим трудиться для наших ближних, но лишь постольку, поскольку мы находим в этой работе нашу высшую пользу – не более и не менее. Все сводится лишь к тому, что человек считает *своей пользой*; именно незрелая, неразвитая, грубая личность будет понимать ее грубее всего.

Ницше считает, что культура держится на отдельных личностях, подчиняющих себе массу, и само спасение человечества он видит не в массах, а в сильных индивидуумах. Для масс Ницше применяет определение «слишком многие» (избыточные), масса для него, по слову Г. Файхингера, «лишь пушечное мясо в борьбе за существование, лишь фон, на котором вырисовываются немногие лучшие».

92

Нравы и нравственность. Быть моральным, нравственным, этичным – значит оказывать повиновение издревле установленному закону или обычаю. При этом безразлично, подчиняются ли ему насильно или охотно, – существенно только, что это вообще делают. «Хорошим» называют всякого, кто как бы по прирожденному, унаследованному инстинкту, т. е. легко и охотно, делает то, что считается нравственным (например, мстит, если мщение, как у греков в более раннюю эпоху, принадлежит к добрым нравам). Его называют хорошим, потому что он хорош «для чего-нибудь»; но так как благожелательность, сострадание и т. п. при всех изменениях нравов всегда ощущались как «хорошее для чего-нибудь», т. е. как полезное, то теперь называют «хорошим» преимущественно благожелательного, любвеобильного человека. Быть дурным – значит быть «нравственным» (безнравственным), чинить безнравье, восставать против обычая, все равно, разумен ли он или глуп; но нанесение вреда ближнему ощущалось всеми нравственными законами преимущественно как нечто вредное, так что теперь при слове «злой» мы главным образом думаем об умышленном нанесении вреда ближнему. Не «эгоистическое» и «неэгоистическое» есть основная противоположность, которая привела людей к различению между нравственным и безнравственным, между добром и злом, а связанность традиционным законом и отрешение от него. При этом совершенно безразлично, как *возникла* традиция, и во всяком случае она возникла вне отношения к добру и злу и к какому-либо имманентному категорическому императиву, а прежде всего в интересах сохранения *общины*, народа; любой суеверный обычай, возникший вследствие ложно истолкованного случая, создает традицию, следовать которой признается нравственным; дело в том, что нарушить ее опасно, вредно для *общины* еще более, чем для отдельного человека (ибо божество карает за нечестие и нарушение своих прав всю общину и лишь через нее косвенно – отдельную личность). Но всякая традиция становится тем более почитаемой, чем древнее ее происхождение, чем более оно забыто; ее почитание накапливается от поколения к поколению, традиция под конец становится священной и возбуждает благоговение; и, таким образом, мораль почитания во всяком случае древнее, чем мораль, требующая неэгоистических поступков. <...>

В развитии европейской нравственности Ницше выделял два направления, которые различаются по ценностям, добродетелям, носителям нравственности и т. д. Это аристократическая (рыцарская) нравственность и мещанская нравственность, которая в результате синтеза христианской морали и буржуазной практики стала главенствующей. Ницше считал,

что новая мораль должна вернуться к аристократизму. Аристократизм для Ницше – это синоним всего благородного, высокого.

93

Стыд. Стыд существует всюду, где есть «тайнство»; последнее же есть религиозное понятие, которое в древнюю пору человеческой культуры имело большой объем. Всюду существовали замкнутые области, к которым божественное право запрещало доступ, за исключением точно определенных условий; сначала в чисто пространственном смысле: известных мест не должна была касаться нога непосвященных, и близость их возбуждала трепет и ужас. Это чувство нередко переносится на разные иные области, например на половые отношения, которые в качестве привилегии и адитона более зрелого возраста должны были быть скрыты от взоров юношества, ко благу последнего; в охране и соблюдении святости этих отношений участвуют многие божества, которые мыслились как стражи супружеской опочивальни. (По-турецки это помещение поэтому называется «гаремом», «святылицем», т. е. обозначается тем же словом, что и преддверие мечети.) Так и царская власть в качестве центра, излучающего блеск и могущество, является для подчиненных тайнством, возбуждающим трепет загадочности и стыдливости. Точно так же весь мир внутренних состояний, так называемая душа, еще и теперь есть для всех не-философов тайнство, после того как в течение долгих эпох считалось, что душа имеет божественное происхождение и достойна общения с богами: она есть, таким образом, адитон и возбуждает стыд.

Адитон – особая священная комната в древнегреческих и римских храмах, расположенная позади основного помещения, где находилась статуя божества. В адитон могли входить только жрецы, причем лишь в строго определенное время. Там находились алтарь (жертвенник) и сокровищница.

94

Не судите. Нужно остерегаться, чтобы при изучении прошедших эпох не впасть в несправедливую брань. Несправедливость рабства, жестокость в подчинении личностей и народов нельзя измерять нашей мерой. Ибо в те времена инстинкт справедливости еще не достиг современного развития. Кто имеет право упрекнуть женева Кальвина в сожжении врача Сервета! Это был последовательный поступок, вытекавший из его убеждений, и точно так же инквизиция со своей точки зрения была права; лишь господствовавшие мнения были ложны и имели следствия, которые кажутся жестокими, потому что эти мнения стали нам чуждыми. Впрочем, что значит сожжение одного человека по сравнению с муками ада почти для всех! И все же это представление владело тогда миром, причем его неизмеримо большая жестокость не наносила существенного ущерба представлению о Боге. <...>

Жан Кальвин (1509–1564) – французский богослов, реформатор церкви, основатель кальвинизма. Главное его сочинение – «Наставление в христианской вере».

Мигель Сервет (1511–1553) – испанский мыслитель, теолог, естествоиспытатель и врач. Его книга была признана еретической, а весь тираж ее уничтожен. Он был арестован, но бежал из тюрьмы и был заочно приговорен к смерти. После побега Сервет направился в Женеву и неосмотрительно посетил богослужение в церкви Кальвина, где был узнан

и вновь арестован. После продолжительных пыток Сервет был сожжен на костре 27 октября 1553 года, так и не поддавшись требованиям палачей признать Иисуса Христа и Святой Дух единой личностью.

Святая инквизиция (Inquisitio Haereticae Pravitatis Sanctum Officium – Святой отдел расследований еретической греховности) – общее название ряда учреждений Римско-католической церкви, предназначенных для борьбы с ересью.

95

«Человек поступает всегда хорошо». Мы не обвиняем природу в безнравственности, когда она ниспосылает нам грозу и заставляет нас промокнуть до нитки; почему же мы называем безнравственным человека, который причиняет нам вред? Потому что здесь мы принимаем произвольно действующую свободную волю, там же – необходимость. Но это различие ошибочно. Далее: даже намеренное нанесение вреда мы не при всех условиях называем безнравственным; например, мы без колебаний, сознательно убиваем комара просто потому, что его жужжание нам неприятно, мы сознательно наказываем преступника и причиняем ему страдания, чтобы защитить себя самих и общество. В первом случае сознательно причиняет страдание личность, чтобы сохранить себя или даже просто чтобы избежать неприятности; во втором случае это делает государство. Всякая мораль допускает намеренное нанесение вреда при *необходимой самообороне* – т. е. когда дело идет о *самосохранении*. Но обе эти точки зрения достаточны, чтобы объяснить все злые действия, совершаемые людьми против людей: человек хочет получить удовольствие или избежать страдания; в каком-либо смысле дело всегда идет о самосохранении. Сократ и Платон правы: что бы человек ни делал, он всегда поступает хорошо, т. е. делает то, что кажется ему хорошим (полезным), смотря по развитию его интеллекта, по степени его разумности. <...>

Сократ – древнегреческий философ, учение которого знаменует собой поворот в философии – от рассмотрения природы и мира к рассмотрению человека. Его деятельность – поворотный момент во всей античной философии.

96

Вознаграждающая справедливость. Кто сполна постиг учение о совершенной безответственности, тот совсем не может подвести так называемую карающую и вознаграждающую справедливость под понятие справедливости – если последняя должна состоять в том, чтобы воздавать каждому свое. Ибо тот, кто наказывается, не заслуживает наказания: он употребляется лишь как средство, чтобы отпугнуть других от совершения впредь известных действий; и точно так же тот, кто вознаграждается, не заслуживает этой награды: он не мог поступить иначе, чем поступил. Следовательно, награда имеет значение лишь как поощрение его и других, т. е. как мотив для дальнейших действий; одобрительные возгласы посылаются тому, кто еще участвует в скачке, а не тому, кто уже достиг цели. Ни награда, ни наказание не есть что-либо *заслуженное самим* человеком; они назначаются ему из соображений пользы, без того, чтобы он мог по справедливости притязать на них. Нужно сказать: «Мудрый не награждает за хороший поступок» – по аналогии с изречением: «Мудрый наказывает не за дурной поступок, а для того, чтобы впредь не поступали дурно». Если бы отпали награда и наказание, то отпали бы сильнейшие мотивы, которые влекут к известным

действиям и отвлекают от других; польза людей требует их сохранения; и поскольку наказание и награда, порицание и похвала сильнее всего действуют на тщеславие, та же польза требует и сохранения тщеславия. <...>

97

Безответственность и невинность. Совершенная безответственность человека за его действия и за его существо есть горчайшая капля, которую должен проглотить познающий, если он привык считать ответственность и долг охранной грамотой своей человечности. Все его оценки, отличия, антипатии обесценены этим и признаны ложными; глубочайшее чувство, которое он питал к страдальцу и герою, было жертвой заблуждения; он не имеет права ни хвалить, ни порицать, ибо нелепо хвалить и порицать природу и необходимость. Как он смотрит на хорошее произведение искусства, любя его, но не хваля, потому что оно не отвечает за себя, как он смотрит на растение, так должен он смотреть на человеческие поступки и на свои собственные поступки. Он может восхищаться их силой, красотой, полнотой, но не имеет права находить в них какие-либо заслуги: химический процесс и борьба элементов, мучения больного, жаждущего выздоровления, содержат столь же мало заслуги, как и состояния душевной борьбы и нужды, когда человек раздирается различными мотивами, пока наконец он не решится в пользу сильнейшего – как обыкновенно говорится (на самом же деле пока сильнейший мотив не решит нашей участи). Но все эти мотивы, какие бы высокие названия мы им ни давали, выросли из тех же корней, которые мы считаем вместилищем злых ядов; между добрыми и злыми поступками нет родового различия, а разве только различие в степени. Хорошие поступки суть утонченные дурные; дурные поступки суть те же хорошие поступки в более грубом и глупом виде. <...> Все невинно; и познание есть путь к уяснению этой невинности. Если наслаждение, эгоизм, тщеславие *необходимы* для созидания моральных явлений и для их высшего плода – восприятия истинности и справедливости познания, – если заблуждение и ошибки фантазии были единственным средством, с помощью которого человечество могло постепенно возвыситься до такой степени самоозарения и самоискупления, – кто имеет право презирать эти средства? Кто может быть печальным, узрев цель, к которой ведут эти пути? Правда, все в области морали не вечно, изменчиво, шатко, все течет – но *все также объемлется потоком*, который движется к единой цели. Пусть в нас продолжает еще господствовать унаследованная привычка к ложным оценкам, к ложной любви и ненависти, но под влиянием растущего познания она станет слабее: новая привычка – привычка понимания, воздержания от любви и ненависти, привычка созерцания – постепенно вырастает в нас на той же почве и, может быть, через несколько тысячелетий будет достаточно могущественна, чтобы дать человечеству силу столь же правильно созидать мудрого, невинного (сознающего свою невинность) человека, как она теперь созидает неумного, несправедливого, сознающего свою греховность человека, – *ибо последний есть не противоположность первого, а подготовительная ступень к нему*. <...>

Отдел пятый

Признаки высшей и низшей культуры

224

Облагорожение через вырождение. История учит, что лучше всего сохраняется то племя, в котором большинство людей имеют живое чувство солидарности вследствие одинаковости их привычных и непререкаемых принципов, т. е. вследствие их общей веры. Здесь крепнут нравы хорошей, деятельной жизни, здесь личность научается подчинению и воспитанием развивается твердость, уже изначально присущая характеру. Опасность этих крепких обществ, опирающихся на однородные, сильные личности, состоит в том, что они легко глупеют и что это оглупление, которое, как тень, всегда сопровождает всякую устойчивость, постепенно растет, передаваясь по наследству. В таких обществах *духовный прогресс* зависит от более разнузданных, неустойчивых и морально слабых личностей: от людей, которые ищут нового и вообще пускаются в разные поиски. Бесчисленное множество людей такого рода погибает благодаря своей слабости, не оказав никакого заметного влияния; но в целом, особенно если они имеют потомство, они ослабляют общественные узы и время от времени наносят раны устойчивому элементу общества. Именно в таком больном и слабом месте обществу как бы прививается нечто новое; но его общая сила должна быть достаточно велика, чтобы воспринять в свою кровь это новое и ассимилировать его. Вырождающиеся натуры имеют величайшее значение всюду, где должен наступить прогресс. Всякому прогрессу в целом должно предшествовать частичное ослабление. Более сильные натуры сохраняют тип, более слабые – помогают его *развивать*. – Нечто подобное применимо и к отдельному человеку; в большинстве случаев вырождение, уродство, даже порок и вообще физический или нравственный ущерб связаны с выгодой в каком-либо ином отношении. <...> Что касается государства, то Макиавелли говорит, что «форма правительства имеет весьма небольшое значение, хотя полуобразованные люди и думают иначе. Великой целью государственного искусства должна быть *устойчивость*, которая перевешивает все остальное, ибо она гораздо ценнее, чем свобода». Лишь при прочно основанной и обеспеченной длительности правления возможно вообще постоянное развитие и облагораживающая прививка. Правда, опасный спутник всякой устойчивости – авторитет борется по обыкновению против этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.